

Ирина Багратиони-Мухранели — княжна, родилась в Тбилиси 19.12.1945, живет в Москве.

Поступила в 1962 году в Тбилисский университет на филологический факультет, окончила Московский государственный университет, факультет журналистики и аспирантуру, там же защитила кандидатскую диссертацию, профессор филологии. В настоящее время — доцент кафедры истории и теории литературы Православного Свято-Тихоновского Гуманитарного университета, автор монографий «Введение в

поэтический замысел. Жизнь и творческая биография А.С.Пушкина» в 2 т-ах, «Грузинский след в комедии «Горе от ума» А.С.Грибоедова», «Другая жизнь и берег дальний...». Репрезентация Грузии и Кавказа в русской классической литературе», свыше 300 статей и публикаций по поэтике, теории и истории классической литературы, теории драмы, этнопсихологии, истории церкви в Грузии, Италии, Англии, США, Польше, Украине, Литве, Турции и других странах.

Член Союза театральных деятелей России, Международной ассоциации искусствоведов (АИС), Союза журналистов, Московского комитета литераторов (МОЛ), Кавалерственная Дама Ордена Fleur-de-Lys (Dame Grand Commander of Order of the Fleur-de-Lys), Ордена Св. Равноапостольной Нино IV степени и др.

Владимир Головин — поэт, журналист, призер VIII Всемирного поэтического фестиваля «Эмигрантская лира — 2016». Член Союза писателей Грузии, заместитель редактора журнала «Русский клуб». Работал в Грузинформ-ТАСС, «Общей газете» Егора Яковлева, газете Russian bazaar (США), различных изданиях Израиля и России. Член редколлегии и один из авторов книги репортажей «Стихия и люди: день за днем», получившей в 1986 году премию Союза журналистов Грузии. В 2006-2011 годах — главный редактор самой многотиражной русскоязычной газеты Грузии «Головинский проспект».

Автор поэтического сборника «По улице воспоминаний», книг «Головинский проспект» и «Завлекают в Сололаки стертые пороги». Стихи и переводы напечатаны в сборниках и альманахах «Иерусалимские страницы» (Израиль), «Музыка русского слова в Тбилиси», «На холмах Грузии», «Плеяда Южного Кавказа» и «Перекрестки» (Грузия), «Окна», «Путь дружбы», «Крестовый перевал» (Германия), «Эмигрантская лира» (Бельгия).

РУССКИЕ В ГРУЗИИ

ГРАФ СОЛЛОГУБ В ГРУЗИИ

МЕЖДУНАРОДНЫЙ КУЛЬТУРНО-ПРОСВЕТИТЕЛЬСКИЙ СОЮЗ «РУССКИЙ КЛУБ»
www.russianclub.ge rusculture@mail.ru

БИБЛИОТЕКА МЕЖДУНАРОДНОГО КУЛЬТУРНО-ПРОСВЕТИТЕЛЬСКОГО
СОЮЗА «РУССКИЙ КЛУБ»

ИРИНА БАГРАТИОНИ-МУХРАНЕЛИ
ГРАФ СОЛЛОГУБ В
ГРУЗИИ

ВЛАДИМИР ГОЛОВИН
«ДА СОХРАНИТ
БОГ ГРУЗИЮ И
НАС ВСЕХ...»

Тбилиси
2017

Русско-грузинские культурные взаимоотношения поистине являются историческим феноменом, не имеющим аналогов.

Россию и Грузию связывают 11 веков взаимного общения. Начало этих отношений восходит к X веку – в древнерусских летописях упоминаются Грузия и Тбилиси. В 1491 году были установлены дипломатические отношения. При Петре Первом на берегах реки Пресны заложена Грузинская слобода (в просторечье – «Грузины», ныне – Большая Грузинская). А с конца XVIII века, после заключения в 1783 году Георгиевского трактата, отношения между странами стали особо тесными и интенсивными.

На покровительство Грузия отвечала помощью и поддержкой – в том числе, культурной, духовной. Приют, пристанище здесь обретали многие великие русские – опальные и гонимые в России, в Грузии они всегда находили свободу, работу и почитание.

Серия «Русские в Грузии» – первый опыт систематизированного освещения богатейшей истории пребывания в Грузии выдающихся российских деятелей искусства, религии, науки, литературы, спорта, достойных благодарной памяти потомков.

Серия станет настоящей энциклопедией русско-грузинских взаимоотношений.

Проект направлен на популяризацию российского культурного наследия, возрождение интереса к России в Грузии и к Грузии в России, активизацию общественного диалога и культурного общения двух православных народов-соседей.

Издатель –

Международный культурно-просветительский Союз
«Русский клуб»

При финансовой поддержке:

«Департамента внешнеэкономических и международных
связей города Москвы» и
«Правительства Москвы»

Руководитель проекта –

НИКОЛАЙ СВЕТИЦКИЙ

заслуженный деятель искусств РФ,
заслуженный артист РФ

© **Русский клуб. 2017**

ISBN 978-9941-27-548-7

И.Л. БАГРАТИОНИ-МУХРАНЕЛИ ГРАФ СОЛЛОГУБ В ГРУЗИИ

Граф Соллогуб попал на Кавказ в зените славы, успеха художественного и коммерческого. Роскошно изданный тиражом 5000 экземпляров «Тарантас. Путевые впечатления» В.Белинский поставил на первое место среди новых книг в обзоре русской литературы 1845 года. О повести положительно отзывались Гоголь и Жуковский, в критике она оказалась в центре полемики западников и славянофилов. Два попутчика – мечтательный западник Иван Васильевич и прагматичный помещик Василий Иванович представляли две точки зрения на Россию – утопическую и реальную – заставляли спорить о позиции автора.

Оказавшись в Тифлисе, В.А. Соллогуб служил с 1851-го по 1855-й гг., по Министерству внутренних дел в канцелярии Наместника Кавказа и губернатора кн. М.С. Воронцова. Здесь Соллогуб получает возможность реализовать такие ипостаси своей натуры, как организаторская и творческая, получает возможность воплощать смелые замыслы в жизнь. Точнее, возможность сочетать утопические замыслы с практической деятельностью. Вопрос – какую культуру строят Воронцов

и его сподвижники на Кавказе, оставался открытым, вероятно, он не стоял для тех, кто был вовлечен в ее строительство. До сих пор в этой области существуют два ответа: либо имперскую, русско-имперскую, причем империя является «плавильным котлом», в котором стираются национальные традиции. Либо органически-национальную. Но эта культура не могла существовать на чужом, пусть и государственном языке, она должна была развиваться на языке национальном. В середине XIX века этот вопрос – что дары империи имеют оборотную сторону – еще четкого не осознавался. Хотя, в результате централизаторских усилий государства на Кавказе начинают появляться европейские и русскоязычные билингвы, деятели национальных культур и литератур, свободно владевшие русским языком.

Тех, кто получил образование в России (перешел границу Кавказских гор), называли «тергдалеулеби» – испившие воду из Терека. Но большинство из них, вернувшись на родину, продолжали писать на родном языке. Соллогуб мечтает обойти этот краеугольный камень – разницу языков и вырастить «русско-кавказ-

Э. Росси. Владимир Соллогуб

скую словесность». Это красивая мечта о единстве культур. Он воплощает свою утопию чрезвычайно энергично. По свидетельству А.К. Бороздина, служившего на Кавказе, Соллогуб, благодаря «умению расшевелить общественную жизнь», сделался в Тифлисе «центральной личностью» (Бороздин А.К. Литературные характеристики. Деятельный век. СПб, т. 1-2, 1911, Т. 1, С.695.).

Творчество В.А. Соллогуба, плодотворного от природы, оказывается на Кавказе поразительно разнообразным. Он пишет по заказу Воронцова «Биографию генерала П.С. Котляревского», первая часть которой печатается в газете «Кавказ». Работает и над другими историческими исследованиями времен присоединения Грузии к России – описанием Персидского похода 1796 года,

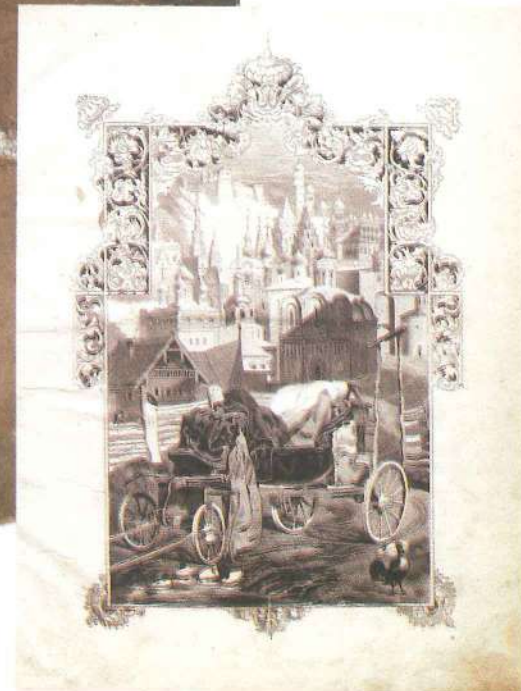
русско-персидской войны 1804-1813 годов, состояния Грузии накануне вхождения в состав Российской империи и сразу после.

«В любви русских к Кавказу, и в особенности к Закавказью, таится много других побуждений: духовное братство с местными жителями по вере, сознание беспримерного заступничества, воспоминание о кровавых пожертвованиях, надежда на прекрасное возмездие, выраженное не только щедротами природы, но и цветущим состоянием края, образующего, бесспорно нашу русскую Италию... Там, например, до сего времени еще мало обращено внимания на то благодатное действо, которое Кавказ мог бы иметь и на русскую словесность, и на русское искусство вообще» [7, 495], – писал Соллогуб.

На Кавказе Соллогуб предстал перед читателем и как лирический поэт, и как драматург, и как прозаик, журналист, театральный критик, публицист, этнограф, военный историк.

К тому времени, когда Соллогуб писал о Кавказе, в русской литературе уже существовал Кавказ – край свободы и любви, «ужасный край чудес» романтических поэм Пушкина. Трагический Кавказ Лермонтова, «синие горы», навевающие доисторические, библейские образы, которые перекликались с образами и обычаями горских народов, Кавказ как потерянный рай. Был описан и Кавказ экзотический, авантюрно-роковой, но пересыпанный блестящими аффектированными авторского остроумия, т.н. «марлинизмами», – топос повестей А.Бестужева-Марлинского.

Тем не менее Соллогуб нашел свои краски, свою интонацию. Его Кавказ сродни гетевскому Востоку

Иллюстрированное издание книги В. Соллогуба «Тарантас»

из «Западно-Восточного Дивана» («На Восток ты скройся дальний // Воздух пить патриархальный»). Кавказ Соллогуба – «замыренный». И, можно сказать, – «дельный». Но не сухой и прагматичный. Писатель находит точные выражения, сохраняет интонацию музыкальности, к какому бы стилю и виду литературы он ни обращался.

В 1855 году в Тифлисе граф Соллогуб выпускает сборник стихов «Тридцать четыре альбомных стихотворения». После несостоявшейся дуэли с Пушкиным, приревнованным Наталью Николаевну к молодому Соллогубу, в тридцатые годы происходит его сближение с Пушкиным. «Он поощрял мои первые литературные опыты, давал

В. Тропинин. А.С. Пушкин

мне советы, читал свои стихи и был чрезвычайно ко мне благосклонен» [8, 467], — писал Соллогуб в воспоминаниях. По свидетельству Я. Полонского, также служившего при Воронцове на Кавказе, стихи слишком легко давались графу, и он почти не ценил свой дар. «Стихи не в моде уж давно// Стихи плохие — и подавно», писал Соллогуб о себе. Тем не менее, в выпущенном в Тифлисе небольшом собрании стихотворений, «стихотворных лоскутков», как их называет автор, есть подлинные удаchi. «Княгине Ю.С.Г...ой» («Нет, не люблю я Вас// Да и любить не стану») и «Старая песня» («Забыли Вы и не сдержали слово») были положены на музыку Алябьевым и стали

популярными романсами.

В.А. Соллогуба заботит состояние края, создание экономического процветания и формирования новой, русско-кавказской культуры. Автор «Тарантаса» выступает с самыми разными темами, обращается к разным жанрам. Здесь и описание алагирских рудников, и рассказ о спектаклях итальянской оперы в Тифлисе, и этнографические и путевые очерки, посвященные таким городам, как Боржоми, Манглиси, и искусствоведческие, художественно-критические статьи. Он часто печатается в газете «Кавказ». Статью «Возобновление Сионского Собора в Тифлисе» даже издает отдельным оттиском. Стиль его тифлиских вы-

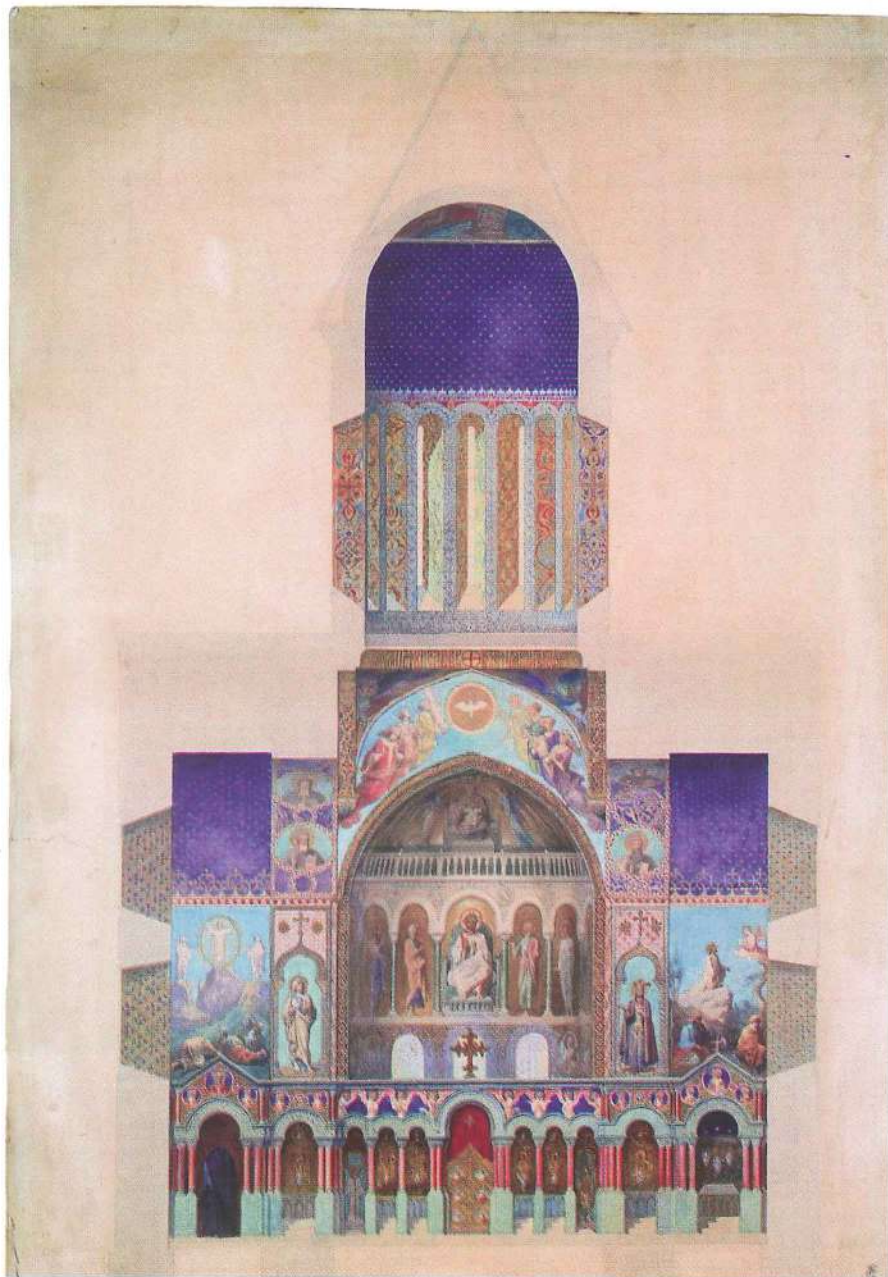
А. Брюллов. Н.Н. Пушкина

Ф. Крюгер. М.С. Воронцов

ступлений прост, изящен и раскрывает задушевные мысли автора. Предметом его размышлений выступает синтез русской и грузинской культур, создание нового органического целого.

«Кто бы мог подумать, что теперь на Кавказе, откуда разносятся по всей России звуки битв и побед, совершается тихомолком мирный, многозначительный, в высшей степени замечательный подвиг, подвиг

Г. Гагарин. Росписи Сионского собора

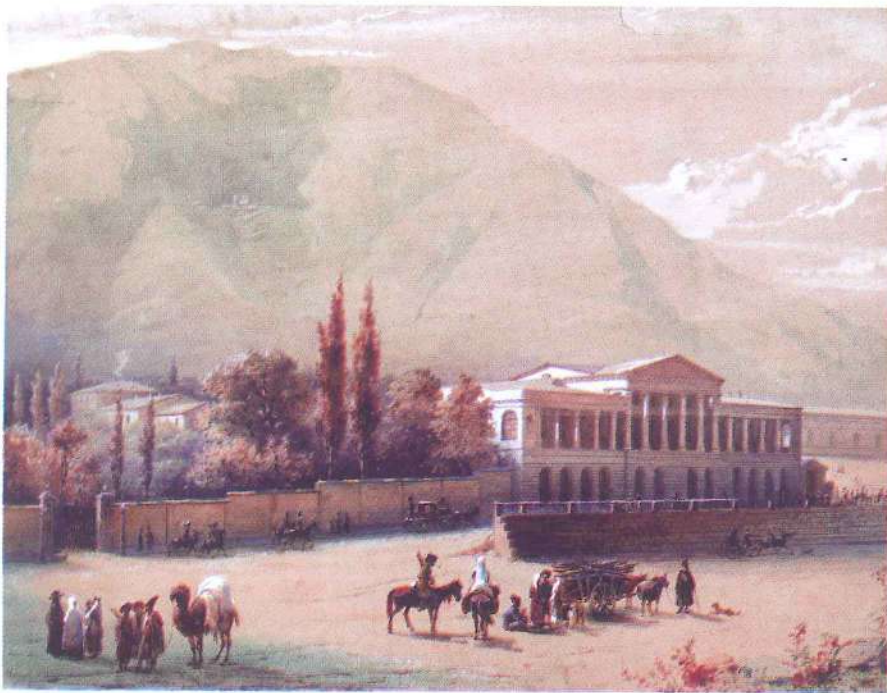

Г.Г. Гагарин

христианский и художественный в одно время? — задается вопросом В.А. Соллогуб в статье «Возобновление Сионского собора в Тифлисе». В этой статье Соллогуб проявляет серьезные знания в области истории грузинской церкви и культуры и даже дотошный профессионализм искусствоведа, описывающего состав красок, которыми производится роспись фресок собора, их расположение.

Но наиболее интересными, среди прочего, представляются рассуждения автора в области культуры в целом, его понимание единства православия, при художественном различии исторических и национальных этапов становления, происхож-

ждения светской культуры из церковной. Думается, что эти мысли, высказанные в статье «Возобновление Сионского собора», не потеряли своей ценности до сегодняшнего дня. «Само собою разумеется, что возобновленный храм предполагается в строгом византийском стиле, с некоторыми улучшениями в подробностях и отделке, необходимых при требованиях современного искусства. // Византийское зодчество, издревле водворившееся в некоторых частях Кавказа, имеет для нас, русских, высокое значение, — как коренной, символический, наружный первообраз нашей Церкви. В этом отношении Сионский собор должен сделаться не только принадлежностью Грузии, но и целой России, указывая уже в самом своем основании на тот священный союз, который после многих веков должен был соединить Россию и Грузию неразрывными узами. При настоящей переделке здания постоянная забота художника устремлялась к сохранению чистых византийских начал, без примеси всякого искажения, без вмешательства каких-либо светских или иноверческих напominаний. // В этом и заключается, по нашему мнению, одно из преимущественных достоинств труда князя Гагарина. Византийская церковная живопись не отличается, конечно, чувственною прелестью итальянской школы, но как выражение самой веры греческая иконопись и должна резко отделяться от католической. Она сохраняет характер отличительно-духовный, не изысканный, преисполненный простоты и глубокого чувства, изумляющий или величественностью громадных ликов, или спокойной строгостью рисунка. Она не льстит чувствам, но поражает душу,

В. Тимм. Дворец наместника на Головинском проспекте

не заставляет восхищаться произведением рук человеческих, а напоминает человеку про величие Божие, про собственное ничтожество, про то, что вне храма нет ему спасения» (Граф В.Соллогуб. Возобновление Сионского собора в Тифлисе. Тифлис, из N79 газеты «Кавказ», стр. 5).

Тем замечательнее эти мысли Соллогуба, оценивающего труд князя Гагарина, что у него есть четкое соотношение светской культуры и церковной, — описание храма следует за описанием предшествующих работ художника — росписи Тифлиского оперного театра, «новой Альгамбры». Автор удивительно точен в отношении византийской традиции, самообытных грузинской и европей-

ской. Соллогуб рассматривает работы Гагарина в исторической перспективе не только прошлого, но и современности. В это время на Кавказе происходило строительство культуры края, веками вбиравшей самые различные стили и формы, и четкость в этой области как нельзя более способствовала ее плодотворному росту.

При Воронцове осуществлялась демонстрация европейского стиля культурной жизни (устраивались балы, строились новые здания, поощрялось просвещение во всех формах), что было инкорпорацией, осуществлением политики присоединения Грузии и Кавказа к Российской империи.

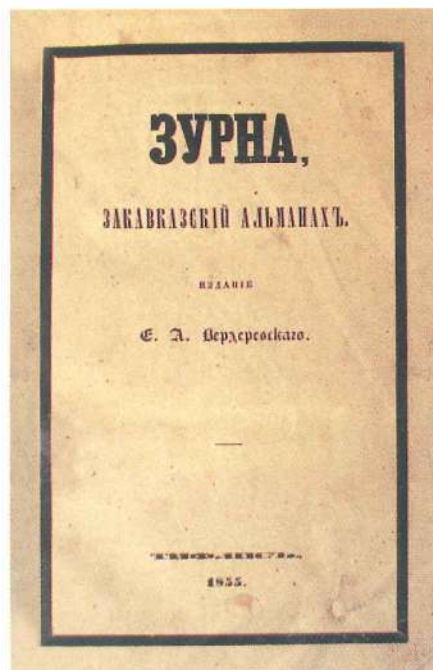

П. Орлов. Софья Соллогуб

А.Л. Зиссерман, один из «кавказцев», чья жизнь прошла при разных наместниках и чьему свидетельству доверяли многие (мемуарами пользовался Л.Н. Толстой при работе над «Хаджи-Муратом»), в статье «По поводу полемики о князе Воронцове и Н.Н. Муравьеве как наместниках кавказских» («Русский Вестник», 1874, N11. С. 368-374.) пи-

сал, что Воронцова упрекали в расточительстве. Между тем он учреждал стипендии для учебы в Санкт-Петербургском университете для одаренных грузин, занимался строительством, и т. д. и т. п. и потратил свои личные сбережения (порядка 300. 000 рублей) на нужды края.

В литературной деятельности тифлисского периода Соллогуб об-

Обложка сборника «Зурна»

наруживает разносторонность интересов и знаний, художественный вкус и широту дарований. Позиция светского человека, осведомленного во всем по-немногу, дает ему возможность раскрыть разные грани литературного таланта. Будучи через жену в родстве с Виельгорскими, известными музыкантами-меценатами, Соллогуб и сам хорошо разбирался в музыке. Задумав в 1855 году издавать первый закавказский литературный альманах (совместно с Е.Вердеревским), он дает ему музыкальное название «Зурна». В обращении к читателю в первом номере журнала читаем: «Зурною в Грузии собственно называется духовой инструмент, игра-

ющий господствующую роль в туземном грузинском оркестре; но как всякое целое получает название от одной из своих частей, так и грузинский национальный оркестр получил название от господствующего в нем инструмента, — и сказать зурна, в Грузии значит назвать целый оркестр, употребляемый туземцами при всяком малом и большом, домашнем и общественном празднике. Этот оркестр составляется из коротеньких рожков, на подобие кларнетов (собственно — зурна), дайры — бубна, димплипито — барабанов, чонгури или чиянури — скрипки, ствири — дудки. // Первый закавказский альманах назван зурною не потому, чтобы в этом литературном оркестре преобладал и исключительно элемент туземный, как зурна в туземной музыке: по многим причинам нельзя было допустить исключительности в

Мирза Фатали Ахундов

этом отношении. Но назвать зурною первый литературный сборник казалось приличным в особенности потому, что можно допустить некоторое сходство между грузинской зурною и первым литературным сборником, издаваемым в Грузии: и зурна, и наш альманах — дети Азии. Кроме того, как от азиатской зурны нельзя ожидать полной музыкальной стройности, так и от первого закавказского альманаха несправедливо было бы требовать совершенной стройности в литературном отношении. Поэтому самая искренняя скромность побуждает издателя заранее просить снисхождения у читателя, если настоящий тифлисский литературный оркестр на первый раз покажется им несколько зурною ватам» («Зурна», Закавказский альманах. Издание Е.А. Вердеревского. Тифлис, в типографии канцелярии наместника Кавказа, 1855, с.1.).

Это «умаление» было своего рода фигурой речи, характерной при оценке собственных литературных заслуг в качестве редактора-издателя. Незадолго до выхода в свет «Зурны» Соллогуб составил в 1845-46 годах литературный сборник «Вчера и сегодня», где были напечатаны произведения М. Лермонтова, В. Жуковского, П. Вяземского, гр. Е. Ростопчиной, Н. Языкова, В. Бенедиктова, А. Майкова, проза А.К. Толстого. А М.Ю. Лермонтов, собиравшись, выйдя в отставку, издавать вместе с В.А. Соллогубом литературный журнал.

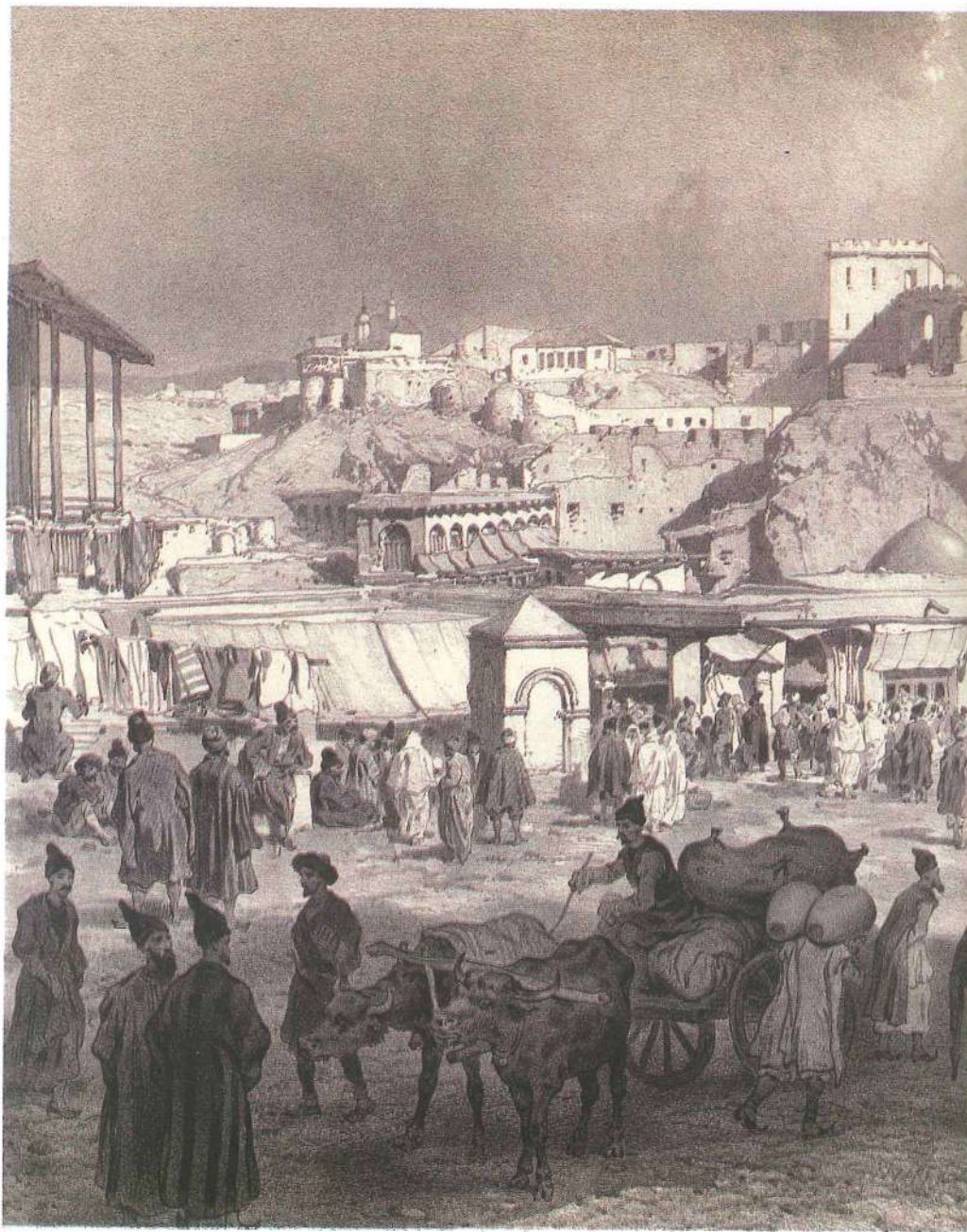
Альманах «Зурна» был напечатан на русском языке. Он был адресован русским читателям Закавказья и тем, кто находился вдали от Тифлиса и не отдавал себе ясного отчета в богатстве и разнообразии

закавказских культур. Сначала шли стихотворения, затем статьи в прозе, рассказы, этнографические легенды. Соллогубу удалось собрать интересный коллектив авторов. Здесь были напечатаны «Воспоминания о Брюллове» Г.Г.Г. (Гагарина), «Идеал красавицы по восточным понятиям» имел подзаголовок «буквальный перевод письма в стихах от Моллы-Пенаха, визиря Карабахского владетеля, к Вакифу, приближенному Имеретинского царя», сделанный известным азербайджанским поэтом Мирзой Фатали Ахундовым. Пшавская была «Оборванец» написана кн. Р. Эриванским, видным грузинским драматургом, «Осетинская Сафо» — Н. Бердзеновым, «Лозы любви. Кистинское предание» — Н. Цискаридзе и даже повесть «Нато и Ана», подписанная «Будущая грузинская писательница». Сам Соллогуб поместил пьесу «Ночь перед свадьбой, или Грузия через тысячу лет».

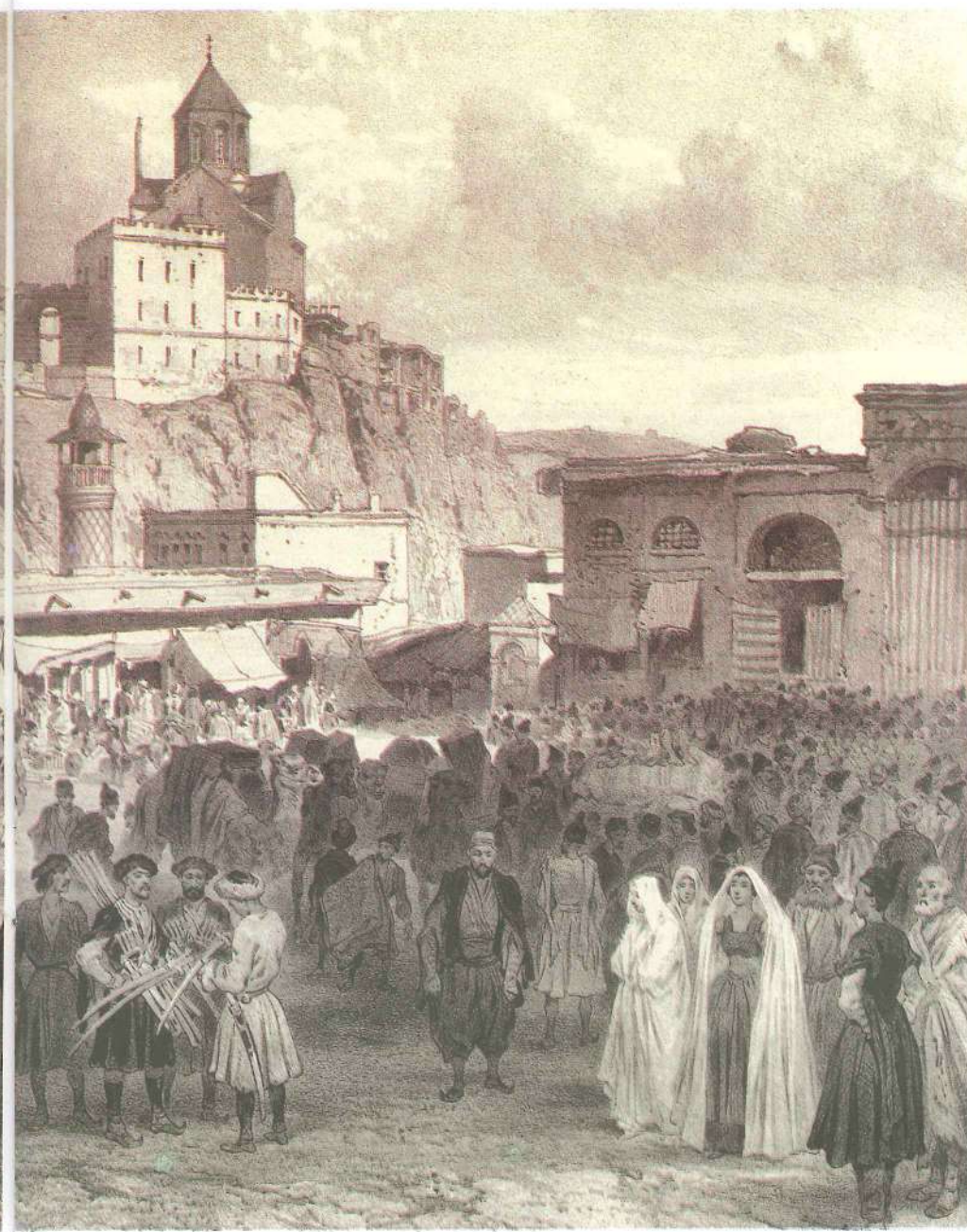
Соллогуб привлек авторов самых разных национальных традиций и надеялся, что эта разногласица со временем сложится в оркестр «кавказской словесности», подлинно имперский синтез, основанный на внутреннем просвещении края, о чем деятельно заботился наместник Кавказа — граф М.С. Воронцов и что почти прекратилось с его отставкой.

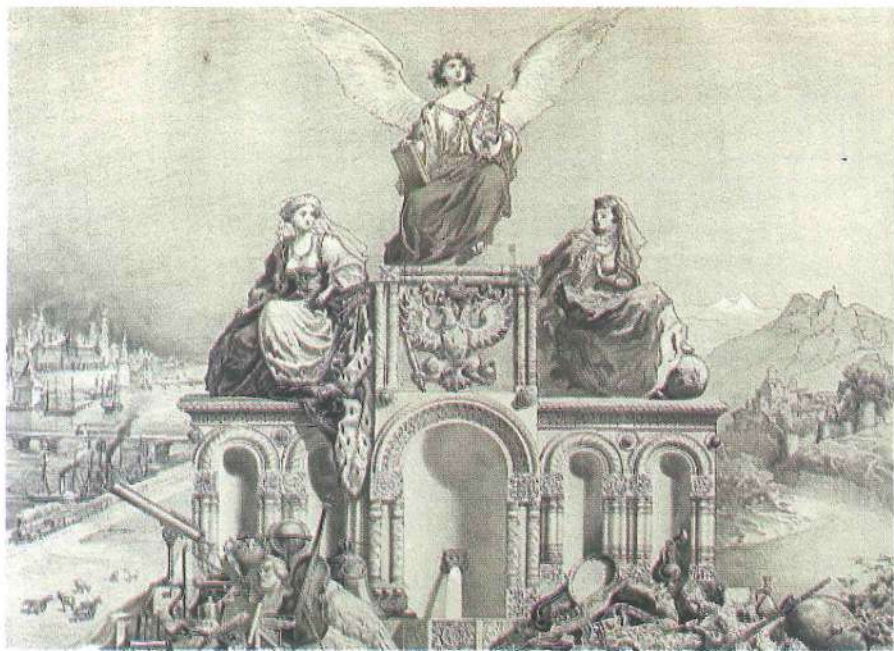
Но во всем этом привлекает позиция разных в национальном и профессиональном отношении авторов, объединенных одной идеей — верой в общее будущее, в единство усилий в области просвещения и культуры, которая активно строится на Кавказе.

Некоторые из них откровенно утопичны в плане историческом. Утопия была отражением времени

Г. Гагарин. Мейдан. Тифлис

Г. Гагарин. Занавес театра в караван-сарая Г. Тамамшева

— с 1 мая по 15 октября 1851 года в Лондоне проходила «Великая всемирная выставка промышленных товаров». Но утопия в русской литературе приобретает широкое распространение («Берендеево царство» в «Снегурочке» А. Островского, «Сон Обломова» в романе И. Гончарова, Сны Веры Павловны в «Что делать» Н. Чернышевского, исторические утопии А.К. Толстого, утопия будущего России в последних главах «Тарантаса» самого В. Соллогуба и др.) В литературе о Кавказе утопия была способом преодолеть «разлом», конфронтацию, встать над военными действиями и представить кавказский мир единым целым. Мир этот был поделен политически, конфессионально, ци-

вилизационно, географически. Ведь граница между Европой и Азией проходила по Кавказскому хребту. Горцы и «замыренные» жители долин также располагались по разные стороны кавказской линии. Единство можно было искать в единстве грузинского и русского православия, в синкретизме фольклора, в просвещении, в объединяющей политике присоединенных к империи земель.

Соллогуб развернул свою вполне продуманную и серьезную программу будущего Грузии в комедии «Ночь перед свадьбой, или Грузия через тысячу лет».

Комедия эта была написана в 1856 году на грузинском материале.

В ней автор не ставил перед собой какие-либо новаторские задачи

в области формы. Уже само заглавие, состоящее из указания на место и время действия, отсылало зрителя-читателя к хорошо известным комедиям типа «Урок кокеткам, или Липецкие воды» (1816) А. Шаховского. Были в ней также черты, присущие другим комедиям Соллогуба («Беда от нежного сердца», «Петербургские букеты, или Цветобесие»), написанным на модные темы. Стиль Соллогуба-драматурга отличал легкий разговорный язык, передающий узнаваемые современниками формы действительности, стремительность развития действия. Все это

Водоносы с корзинами для ловли рыбы

относится и к комедии «Ночь перед свадьбой». Ее можно считать «ловко скроенной» салонной комедией французского типа, с изящными диалогами, стремительно развивающимся сюжетом. Но есть одна особенность, выделяющая ее из этого ряда.

Это опять-таки кавказский колорит, который отличает ее от французских, петербургских или московских комедий положений, ставящих своей целью занимательность. Сам по себе местный колорит за три десятилетия (с момента появления поэмы Пушкина «Кавказский пленник», затем повестей А.А. Бестужева-Марлинского и др.) существования русского романтизма перестал быть чем-то новым для читателя. Но Соллогубу удалось придать ему новое звучание в своей комедии, опереться на серьезный замысел. Местный колорит для него здесь отнюдь не самоцель, не этнографическое дополнение. Он выводит на сцену не далеких от зрителя экзотических героев, а запечатлевает узнаваемые черты персонажей. Соллогуб чрезвычайно серьезно и близко к сердцу принимает политику Воронцова в отношении просвещения края и ради этого и обращается к драматургии.

Особенно ярко замысел и значение этой комедии-утопии видны при сравнении ее с комедией того же Соллогуба, написанной также на кавказском материале. Это комедия «Ночь в духане» — «драматический очерк закавказских нравов» в пятнадцати явлениях, как определяет ее автор. Но эти кавказские произведения разительно отличаются друг от друга по стилю и содержанию. «Ночь в духане» — комедия положений, с карикатурными, поверхностными условными персона-

Н. Чернецов. Тифлис

жами, призванными развлечь русского зрителя-читателя сценами из жизни «диких кавказцев». Князя Моквани и Гурантамов находят в состоянии кровной мести. Один из героев бесстрастно сообщает, что за 15 лет «нашими» убиты из дома Моквани 72 человека, а противниками — 57. Следовательно, победа за нами. Чтобы отомстить противнику, затевается интрига похищения дочери князя. Но она, в свою очередь, собирается бежать с возлюбленным, вернувшимся из Петербурга, образованным молодым грузином. Княжну Кетеван пытается умыкнуть перс-работоторговец Абдула. В духе не появляются жених героини и два комических персонажа — немец-

естествоиспытатель Букинштейн и русский художник Иванов. Кончается все благополучно, влюбленные проясняют все недоразумения, а хозяин духана, трус и пройдоха Карает, не успевает совершить задуманные преступления и разбогатеть. Это немудреное произведение было напечатано в «Библиотеке для чтения» (1857, т. 145).

Пьеса «Ночь перед свадьбой» ориентирована на другого читателя, и это становится решающим фактором. К сожалению, пьеса не имела сценической судьбы, хотя была написана для тифлисского театра. Она увидела свет, лишь будучи напечатана в альманахе «Зурна», а затем в собрании сочинений В. Соллогуба.

В примечаниях автора, предвещающих текст комедии в журнале «Зурна», В. Соллогуб писал: «Эта шутка (комедия. — И. Б.-М), ничтожная в литературном отношении и непонятная для не знающих Кавказ, была написана для тифлисской сцены по соображению ее средств и дарований прежнего ее декоратора, Г. Дербеза. Пьеса, впрочем, по независевшим от меня обстоятельствам, никогда не была исполнена. Таким образом она попала в Зурну, чему оправданием может служить разве то, что Зурна — оркестр не взыскательный, не придерживается утонченных законов искусства, а оживляется лишь говором и звуками неподдельного радушия» [3, 286].

Таким образом, автор признается, что комедия «Ночь перед свадьбой, или Грузия через тысячу лет» была написана частично «на случай». Скромность — постоянный прием Соллогуба в отношении собственного творчества. «Ночь перед свадьбой, или Грузия через тысячу лет», безусловно, заслуживает внимания и как наиболее крупное сочинение, написанное на Кавказе, и как комедия-утопия, и как веха на пути постижения Кавказа русской литературой.

Драматического писателя, как известно, образует публика. Чрезвычайно важно, что в данном случае Соллогуб писал для тифлисской публики. И это становится решающим обстоятельством.

Соллогуб, тонко чувствующий природу театра, создает особую иллюзию, оригинальный мир, который соединяет в комедии сегодняшнее, узнаваемое, с чем-то неведомым, отстраненным. Время действия комедии драматург делит на сегодняшний день и будущее, автор

сталкивает два разных стиля, делает опору на разные типы иллюзии.

Репрезентация действительно в искусстве связана с иллюзией. Успех художественного произведения зависит от того, насколько убедительно автор выстраивает свой придуманный мир. В драме, условной в силу того, что в зале, разделенном на две половины, герои произносят письменный текст пьесы, имитируя устную речь, иллюзия выстраивается особым образом. Соллогуб, свободный от необходимости излишних разъяснений, решает в первой части комедии использовать местный колорит, узнаваемость персонажей современного ему Тифлиса, наделяет их двуязычием. А во второй части драматург использует двойную иллюзию — для изображения будущего он обращается к утопии, зритель попадает в мир, который грезится главному герою — Тифлис через 1000 лет.

Драматург в первой же сцене обозначает тему комедии. Группа подвыпивших грузин возвращается после пирушки-«мальчишника» накануне свадьбы.

«Реваз: Слушайте мою прекрасную речь. Мы должны сознаться, что мы, грузины, изменяемся.

Кайхосро: Изменяемся... Это так, это так. Ты говоришь насчет... это... Как бишь?... Да, просвещения.

Реваз: Просвещение — великое слово. Взгляните кругом: мосты, дороги, училища, театры, сады, разсадники, магазины, ученые общества, журналы, все начинается разом. Еще недавно мы и не слышали об этом, а теперь без этого и жить не могли бы» [5, т. IV, стр. 299]

Хотя герой и рисует захватывающую картину перемен, драматург ориентирован в сценическом изо-

бражении не на грандиозное, а на соразмерное.

И вслед за этим простодушным гимном во славу просвещения Соллогуб предлагает свою версию решения национального вопроса.

«Реваз: Постой. Когда в несколько лет мы так изменились, что же будет лет через 1000 — когда вся земля покроется железными дорогами, а небо — воздушными шарами? Тогда все люди будут похожи друг на друга, народности исчезнут, не так ли?

Кайхосро: Надо быть, так!

Реваз: И мы будем, как все европейцы; по просвещению мы все будем братья. Но однако ж, позвольте, господа; одно отличие навсегда останется у грузин перед всеми прочими народами.

Кайхосро: Какое же это отличие?

Реваз: Способность пить много вина.

Все: Браво, тулумбаш!!..

Реваз:....Дурные люди уже начинают говорить, что наши деды и отцы пили лучше нас. Это гнусная клевета. Мы должны оправдаться, должны сохранить прежние обычаи. Этого требуют равновесие Европы и всемирная политика» [5, 299-301].

С мягким юмором автор рисует присущую грузинам любовь к преувеличениям — как минимум равновесие Европы зависит от сохранения обычаев грузинского застолья. С другой стороны, позитивная программа Соллогуба — желание видеть «братьев по просвещению», сохраняющих обычаи отцов, и на сегодняшний день остается привлекательной и является оптимальной в решении вопроса. Альтернатива этому в национальной политике — идея плавильного котла, денационализация, отказ от своей националь-

ной идентичности в пользу нации, доминирующей в империи. Русификаторская политика, с которой были связаны европейские новшества, в условиях Кавказа воспринималась очень болезненно. Во времена Воронцова эти тенденции только намечались. Они усилились после 1864 года после взятия Шамиля, отмены крепостного права и реформ Александра II. В конце пятидесятых шли поиски путей создания этой политики. Воронцов оказался гибким и мудрым политиком, поставив цель культурного покорения Кавказа.

Объективные предпосылки для создания новой культуры еще только предстояло создавать. Правительственная воля (переменившаяся с уходом Воронцова) была направлена на осуществление этого. Но это был вопрос далекого будущего. В середине пятидесятых даже элементарных экономических оснований было мало. Кавказская война требовала огромных средств для содержания под ружьем 40-тысячной армии. Для осуществления правительственных проектов требовалось много времени. Соллогуб рисует откровенно чаемую перспективу как мечту, желая материализовать и приблизить ее к жителям Грузии. Делается это чисто театральным способом, с помощью смены сценического языка — словесные реплики сменяет балетный дивертисмент, после которого действие будет разворачиваться в другом времени:

«Да смотрите, бейте громче, ...чтоб весь Тифлис знал, что мы гуляем.

Все: Идем! Идем! (Зурначи идут впереди. За ними, слегка шатаясь, идут грузины, спускаясь по лестницам и террасам. Звук зурны теряется мало помалу вдали. На сцене

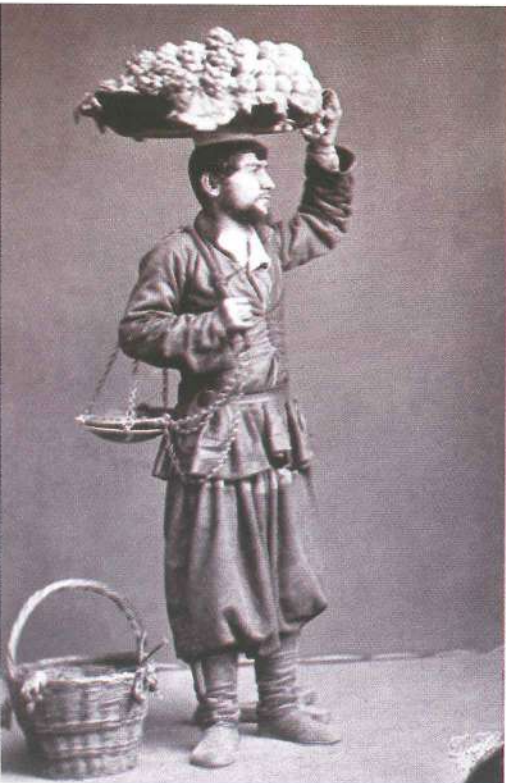

Грузинские воины

совершенная ночь. В оркестре, под сурдиной, начинаются отрывки из *Sommernacht Traum*). Начинается балет. Из-под крыш выползают Домовые, и Тяжелые Сны между ними появляются в разных направлениях. Сны легкие, полувоздушные, в венках из маковых цветов; группы и танцы. Когда они исчезают, декорация меняется и представляет Тифлис через 1000 лет. Фон остается тот же, но со всех сторон возникают огромные дворцы, колоннады, статуи, памятники, соборы, видны железные дороги, — и т.п.)» [5, с.303-304].

Это изменение органично для развития комедии и характерно для стиля Соллогуба. В.А. Грехнев в диссертации, посвященной первому периоду творчества Соллогуба, поднимает важную для писателя тему утопии, соотношения иллюзии и действительности в его творчестве в связи с природой комического.

«Смех сталкивается в «Тарантасе» с иллюзиями, ослаблявшими силу сатирического удара. Осмеиваемым утопиям противопоставлялись столь же беспомощные утопии. Однако противоречивость авторской мысли сказалась и в том, что Соллогуб не потерял способность взглянуть на свои иллюзии как бы «со стороны». Таким образом, собственно утопия Соллогуба словно бы становилась предметом внутреннего обсуждения, внутренней полемики. У этой полемики автора с самим собой не оказалось итога. Картина финального крушения тарантаса, продолжая линию трезвой ориентации на действительность, объективно ставила под сомнение идейную итоговость последней главы, а вместе с нею и прочность авторской веры в жизнеспособность мечтательных предначертаний. Сквозное противоречие авторского мышления, противоре-

Кинто

чие между утопическим визионерством и трезвым ощущением реальности не было снято идиллическим сновидением в финале, обуславливая внутреннюю незавершенность сюжета» [4, 17].

В «Ночи перед свадьбой» Соллогуб имеет твердое идеологическое основание оценки изображаемого. Никакого спора с самим собой здесь нет, автор нашел внешние и внутренние критерии обсуждаемых в пьесе проблем. Помимо политики Воронцова, это убежденность автора в миссии русских на Кавказе.

На сцене драматург все эти жиз-

ненно важные вопросы выводит «под шутки легким покрывалом», на языке понятном и легко считываемом тифлисским театральным залом.

Мир Соллогуба театрален по сути. Он балансирует между фантазией и зорко подмеченной деталью. Соллогуб применяет двуязычие, широко используя выражения грузинского языка при характеристике персонажей.

«Явление III

Кайхосро: Какая несносная мутак! Просто спать невозможно... Ба, ба, ба! Это что за дьяволящина? Тифлис подменили. Совсем другой город стал. Когда это все успели выстроить! Кто бы мог ожидать? Этих дворцов я никогда не видал... Ба!... Вот самовар какой-то бежит на колесах... Да и наши крыши принарядились. Ах, Боже мой!» [3, 303-304].

(Мутак — длинная овальная диванная подушка, хорошо известная всем жителям Тифлиса. — И. Б.-М.).

Драматург не заботится изобретением фабулы и особой занимательности происходящего. Он обращается к своему любимому приему. Герой комедии засыпает и оказывается в 2853 году. И видит прогресс, перемены как технические, так и психологические. Автор готовит зрителя-читателя к восприятию перемен, когда герои в первой же сцене обсуждают будущее в реальном Тифлисе.

Кругом дворцы и роскошные здания, музеи, университеты и национальные театры. Житель будущего — потомок Шамиля, «которого так наколотили 1000 лет назад», что он перестал быть врагом России, ни о каком Веденеве никто не слышал, а Шамиль будущего называет себя чеченцем, ...но русским.

Соллогуб строит мир будущего зеркальным по отношению к настоящему. Его нормы — современность наоборот. Например, люди будущего извиняются, если им не удастся совершить доброго дела или подвигнуть к его совершению ближнего. Вежливость и предупредительность — нормы общения. О наказаниях они знают понаслышке. Полицейскими приставами работают женщины. Женщины имеют равные с мужчинами права, хотя назначение у них особенное.

«Действ. I, явл. IX:

Кетеван: Разве вы не знаете, что когда грузинка полюбит, ничто ее не удержит. Найдите других женщин, которые умели бы так любить! В правах мы равны с мужчинами. Но по чувству мы выше их: мы направляем их к постоянным занятиям. Отчего вы не найдете никогда празд-

ного грузина? Оттого, что мы этого не хотим. Воспитание, хозяйство, любовь, — вот наша цель в жизни, а цель мужей наших — польза» (Сочинения графа В.А. Соллогуба, т. IV, Санкт-Петербург, изд. А. Смирдина (сына), 1856. Стр. 332.).

Монолог героини прекрасен, но исключительно далек от реальности. Хотя в грузинской культуре женщина действительно играет очень большую роль, что закреплено в языке (в лексических парах с обозначением родства сначала называется женщина, затем мужчина: «жена и муж» (цол-кмари), «сестра и брат» (да-дзмани); центральный столб, на котором держится крыша в традиционном крестьянском жилье называется «мать столб» — дэда-бодзи). Но все это скорее рудименты матриархата, чем представление о женщине — «вдохновительнице» и «руководительнице» мужчины в духе взглядов

Тбилиси. 2017

Н. Добролюбов

ийских романтиков. Что касается действительного положения вещей, примерно в это же время В.А. Инсарский, который был в дальнейшем начальником канцелярии Барятинского, писал о своем разочаровании в романтическом восприятии Кавказа. «Одни только белые чадры, в которых, как тени, ходят закутанные женщины, представляли нечто таинственное, особенно для великоро-са, начитавшегося отличных, может быть, в литературном отношении, но уже вовсе неверных романов о красавицах Грузии. Все эти «девы гор» — сушая нелепость. Эти «девы гор», как я сам видел, нечто вроде домашних животных; но об этом после» (Записки Василия Антоновича Инсарского. СПб, изд. «Русская Старина», 1984, т. II, с. 586.).

Комедия не требует фотографии действительности. Соллогуб дает волю фантазии. Основное средство передвижения в Тифлисе будущего — воздушный шар. Париж — место

неинтересное и банальное. Закавказье рисуется как центр культуры и цивилизации. Поскольку все это видится во сне подвыпившему герою, автор не настаивает на том, что это единственно верная точка зрения.

Пьеса-утопия Соллогуба несет черты просветительской утопии, во многом предваряя развитие этого жанра в XX веке. В отличие от классической утопии, с ее желанием описать макромир (и переделать его), автор сосредоточен на описании микромира. В центре стоит не пророк, мудрец, философ, а «маленький человек», который жаждет праздника жизни. Меняется и ее символика по отношению к предшествующим масонски-аллегорическим утопиям. И хотя у Соллогуба в пьесе присутствует связь морализаторства с поступками героев, это скорее забавные перевертыши (например, полицейские — в первую очередь носители моральных норм), его утопия соскальзывает в идиллию, гипертрофированные проявления благородных чувств показаны с легкой долей авторской иронии.

«Ночь перед свадьбой» Соллогуба с линейным развитием времени — типичная имперская утопия «прекрасного далека», где патриархальный Тифлис преобразается в интернациональные «Нью-Васюки». Автор с доверием относится к урбанистической цивилизации, машина — воздушный шар — это средство освобождения мира от зла.

Мир будущего описан в меру подробно, но полноты мифа комедия Соллогуба не достигает. Герой мифологизированного повествования всегда обращен «к такой реальности, с которой не имеет дела никто, кроме него. Чтобы стать мифом, реальность должна быть неправдо-

подобной, но представлять ее надо абсолютно правдоподобно» (Махлин В.Л. О культурно-историческом контексте творчества Хемингуэя. // Вестник Московского университета, 1987. №3, с. 33-44.). Герой Соллогуба постоянно удивляется, он ведет себя как «естественный человек» просветителей, а автор уверяет зрителя в существовании новой нормы, которая только у устаревших ретроградов может вызывать непонимание и удивление. Хотя Соллогуба не особенно интересует столкновение «века нынешнего» и «века минувшего». Связь времен не порвалась. Соллогуб выступает как предшественник евразийских (Название движения евразийства «географического» происхождения: «прежняя география различала два материка — «Европу» и «Азию», они стали различать третий — срединный материк — «Евразию», от последнего обозначения получили свое имя». Савицкий П. Евразийство // Русская идея. В кругу писателей и мыслителей Русского Зарубежья: в 2. М: Искусство, 1994, т.1. С.216) взглядов, описывая некий «срединный материк» — Евразию, взамен двух материков — Европы и Азии, и для него характерна восточная, как и для евразийцев характерна туранская, ориентация. Но Соллогуб не касается вопросов государственности, оскудения церкви на Западе. Он лишь критикует европоцентризм, присущее русской комедии отрицание галломании и «чужебесия».

Вопросы национальной идентичности и самобытности живо интересуют и затрагивают Соллогуба. Он вступает в полемику с французским журналистом, противопоставившем Соллогуба-патриота Соллогубу-прозаику, автору якобы антирусских

произведений. Печатает цикл публицистических статей на французском: «Кавказ в восточном вопросе, еще ответ парижским биографам Шамиля» («Caucase dan La Question d'orient» St-Petersburg, 1854 в русском переводе — «Кавказ», 1856, 2-8 января), «Год военных действий за Кавказом» («Библиотека для чтения», 1857, с. 142-44). Патриотические произведения Соллогуба вызывают резкую и несправедливую оценку Некрасова, Дружинина, Тургенева в коллективном неподцензурном «Послании к Лонгинову»: «Европе возвестил известный Соллогуб, // Что стал он больше подл, хотя не меньше глуп» (Некрасов Н.А. Полное собрание сочинений и писем. Т.1-12, М, 1948, т. 1, с. 430, 692.).

Что касается пьесы «Ночь перед свадьбой», то в комедии нет архетипических моделей — общечеловеческих, изначальных образов, фокусирующих глубинный человеческий опыт и подразумевающих преодоление Хаоса в Космос, «защиту Космоса от сохранившихся сил Хаоса» (Мелетинский Е.М. Избранные статьи. Воспоминания. М., РГГУ. С. 420.). Интерес к жанру утопии возникает в кризисные периоды истории, в ситуациях кризиса нравственного, духовного, экономического хаоса, когда ощущается потребность в новых ориентирах. Безумию настоящего стараются противопоставить гармонию мифологического. Соллогуб не видит настоящее как безумие в силу гармонического склада своего небольшого, но самобытного таланта. Однако оценки его в критике оказываются глубоко несправедливыми.

В 1857 году Добролюбов, рецензируя в «Современнике» (N7)

пятитомное собрание сочинений Соллогуба, сознавался: «При разборе нашем не брали мы в расчет биографию Котляревского, почти не касались водевилей и драм графа Соллогуба, равно как и «Салалакских досугов» и альбомных стихотворений. Не на них основана слава графа Соллогуба: он известен русской публике как юморист и повествователь, и мы старались рассматривать его с этой стороны, чтобы объяснить факт охлаждения к нему публики» (Добролюбов Н.А. Сочинения графа В.А. Соллогуба. // Н.А. Добролюбов. Полное собрание сочинений в шести томах. М., ГИХЛ, 1934-1941, т.1, с.167.).

Великий критик, будь он сколько-нибудь объективным (не говоря уже о беспристрастии), уже за разнообразие тем и жанров произведений должен был бы отнестись более внимательно к рецензируемому автору. Но Добролюбов не может простить Соллогубу, что тот занимается литературой как дилетант, светский человек, в отличие от идейно ангажированного Добролюбова и писателей круга «Современника». И не может простить Соллогубу взглядов христианских, исполненных любви к инаковому, другому, ищущему воплощения социальной гармонии.

Двух станов не боец, но только
гость случайный,
За правду я бы рад поднять мой
добрый меч,
Но спор с обоими — досель мой
жребий тайный,
И к клятве ни один не мог меня
привлечь;
Союза полного не будет между
нами —
Не купленный никем, под чье б
ни стал я знамя,
Пристрастной ревности друзей

не в силах снести,
Я знамени врага отстаивал бы
честь.

(Полное собрание стихотворений
Гр. А.К. Толстого. СПб, изд. Стасю-
левича, т.1, 1898. С.260.)

Подобная позиция, позиция собственно художественная, объединяющая нацию, сформулированная графом А.К. Толстым, современником В.А. Соллогуба, никогда не вызывала одобрения русской критики и русского общества, зараженного партийными пристрастиями.

Художественный мир комедии-утопии «Ночь перед свадьбой, или Грузия через тысячу лет» Соллогуба гармоничен, он тяготеет к идиллии, и к несомненным достоинствам комедии нужно отнести легкость сюжетосложения, сценичность пьесы и ее язык.

В декабре 1846 года Н.В. Гоголь в программном письме к Плетневу «О Современнике» утверждал, что Соллогуб «бесспорно есть нынешний наш лучший повествователь. <...> Никто не щеголяет таким правильным, ловким и светским языком. Слог его точен и приличен во всех выражениях и оборотах. Остроты, наблюдательности, познаний всего того, чем занято наше высшее модное общество, у него много. Один только недостаток: не набралась еще собственная душа автора содержания более строгого, и не доведен он еще внутренними событиями к тому, чтобы строже и отчетливей взглянуть вообще на жизнь» (Гоголь Н.В. Полное собрание сочинений, тт. 1-14, М.-Л., 1937-1952. Т. VIII, с.424.).

Со временем Соллогуб, безусловно, делается более глубоким человеком и автором. Душа его «взрослеет», но современники упор-

но не хотят этого замечать.

Соллогуб привлек авторов самых разных национальных традиций и надеялся, что эта разногласица со временем сложится в оркестр «кавказской словесности», подлинно имперский синтез, основанный на внутреннем просвещении края, о чем деятельно заботился наместник Кавказа — граф М.С. Воронцов.

С уходом Воронцова в отставку Соллогубу также вскоре приходится покинуть Тифлис, что можно рассматривать как потерю и для края, и для самого писателя.

Но оценка деятельности Соллогуба современниками была не только необъективной, но и просто несправедливой.

Добролюбов отказывается писать о кавказских произведениях Соллогуба потому, что это не укладывается в его концепцию писательской судьбы — блестящего дебюта, вершины творчества — повести «Тарантас» и вторичности — устарелости остального творчества. Подметив одну из черт его стиля — наблюдательность и умение передавать чужую речь, критик не хочет видеть что-либо еще.

Добролюбов решительно отказывается сколько-нибудь глубоко анализировать прозу Соллогуба, считая его «юмористом», но при этом не показывает своеобразия иронии Соллогуба. И совершенно не оценивает его деятельности с социальных позиций: в качестве одного из энергичных просветителей Кавказского края.

Исходя из театральности, он живет в современности, не в вечности. И отсюда его тяга к журнализму, к блестящей устной фразе, разнообразию интересов. Все это глубоко чуждо Добролюбову. Так же, как

материалы по этнографии Кавказа. Его экономике, истории, новой литературе, создаваемой в период правления Воронцова.

Все это вызывает далеко не объективную оценку Добролюбова. «Он решил даже из светлой сферы поэзии спуститься в область смиренной прозы и сделался статистиком, этнографом, историком, биографом, туристом, даже критиком и историком литературы... Он составлял точные сведения «об изменениях на Лезгинской линии», описывал весьма тщательно «Алагирский серебро-свинцовый завод», изображал грузинские нравы в окрестностях Тифлиса, составил биографию Кот-

Ф. Моллер. Н.В. Гоголь

ляревского, написал «Несколько слов о начале кавказской словесности» [4, 166].

Почему все это ставится в вину Соллогубу — непонятно. Думается, что дело здесь было не в литературных расхождениях, а в политических. Соллогуб стремился воплотить позитивный имперский принцип. Добролюб, ориентированный на развал империи и революционные конфликты, не мог положительно оценить то, что делал Соллогуб на Кавказе. Отсюда и пристрастность в оценке его литературного творчества.

На Кавказе Соллогуб предстал перед читателем и как лирический поэт, и как драматург, и как прозаик, журналист, театральный критик, публицист, этнограф, военный историк.

Но всем этим достоинствам мешали недостатки характера. Импульсивный по характеру, граф любил карты, дружеские застолья, порой проявлял заносчивость и, несмотря на все сделанное им, создал по себе нехорошую славу.

Соллогуб не имел какой-то определенной должности во время правления Воронцова. Он был прикомандирован к канцелярии наместника чиновником особых поручений, и должность его держалась скорее на дружеском расположении к нему начальника, чем на определенном круге обязанностей. С выходом в отставку графа М.С. Воронцова и сменой наместника на Кавказе, В.А. Соллогуб вскоре был вынужден покинуть Тифлис. Н.Н. Муравьев — новый наместник очень грубо выдворил его из подведомственного ему края. Победитель Шамиля А.А. Барятинский, сменивший Муравьева, был дружен с Соллогубом с детства. И он мечтал, что друг-наместник назначит его по меньшей мере гу-

бернатором в Кутаиси или Тифлисе. Но Барятинский знал, что Соллогуб — артистическая натура — был не способен к какой-либо систематической работе, тем более — делопроизводству. И человеку, искренне любившему Кавказ, приходится его покинуть.

Но, тем не менее, темы, почерпнутые на Кавказе, станут одними из самых больших удач писателя в лирике.

«В последний раз, когда я был на Кавказе, я не узнал его. Без сомнения, страна во многом выиграла... но той задушевности, того простодушия, того яркого восточного колорита, что было при Воронцове, я уже не нашел. /В крае — я позволю себе так выразиться — уже завоняло Петербургом.

Н. Муравьев

М. Лермонтов. Нападение. Сцена из кавказской жизни

бургом. Одна высокопоставленная особа попросила меня написать что-нибудь в ее альбом. С моей обычной оплошностью и под впечатлением того, что мне казалось, я настрочил следующее четверостишие:

Не смею выразить я вслух,
Но мир войны не заменяет;
Здесь прежде был свободы дух,
Теперь... чиновником воняет...»

Оказавшись на Кавказе через 20 лет, в 1871 году, Соллогуб вновь начинает писать. С его пера срываются стихи, которые «хотя и грешили по форме,... они доставили мне едва ли не величайшую одацию, какой я был героем» [8, 516].

Дело в том, что в 1871 году Соллогубу, приехавшему по случаю визита государя на Кавказ, было поручено организовать торжественную встречу Александра II с сыновьями в Кутаиси. «К этому случаю я, как

всегда, должен был написать стихи». Эти стихи «на случай» оказались едва ли не лучшими и самыми известными из того, что им было написано. Стихотворение «Тост» (Аллаверды) было положено на музыку и до сих пор звучит на Кавказе:

С времен, давным-давно
отжитых,
Преданьем Иверской земли,
От наших предков знаменитых,
Одно мы слово сберегли;
В нем нашей удали начало,
Преданье счастья и беды,
Оно всегда у нас звучало:
Аллаверды!..

Аллаверды — «господь с тобою»
Вот слову смысл, и с ним не раз
Готовился отважно к бою
Войной взволнованный Кавказ;
.....
Нам каждый гость дарован
богом,

Александр II

Какой бы ни был он среды,
Хотя бы в рубище убогом...
Аллаверды! Мой друг, —
Аллаверды!.. [8, 515]

Соллогубу удалось отразить две главные линии кавказской жизни. Образ традиционного грузинского застолья, сохраняющего черты античного пира в части риторики. И основанного на устойчивом ритуале, фольклорных традициях праздника, может быть, из греческой хоровой лирики протекающего объединяющего начала, собирающего пирующих в единый праздник без конфессиональных, возрастных, национальных различий. Жанр тоста является на грузинском пиру самым распространенным и гибким. Именно в жанре тоста создал В.Соллогуб одно из лучших своих ли-

рических сочинений.

Не будучи великим поэтом, Соллогуб смог отразить в лирике еще одну, не менее существенную черту кавказской жизни. Верный своей разговорной и афористичной устно-письменной драматургической и театральной природе, он обращается к другому устному жанру — эпиграмме. И также создает запоминающуюся миниатюру новой, послевоенной эпохи: «Здесь прежде был свободы дух, /Теперь... чиновником воняет...».

Эти две стороны, тост и эпиграмма, точно очерчивают центростремительный и центробежный полюса действительности второй половины XIX века, отражают контрасты существования Кавказа в пространстве Российской империи. Как ни парадоксально, но единство исходило от традиций провинции — Грузии, разделение — от центра империи. Обе эти линии до поры до времени не смешивались.

В XIX веке, с точки зрения России, Кавказ был Кавказом библейским (гора Арарат), единоверным, православным (Грузия). И Кавказом имперским.

Спустя сто лет исчезает объединяющее православное начало. Кавказ исламизируется и атеизируется, становится все более имперским и сепаратистским. По прихотливости судьбы этот процесс непосредственно касается творчества Соллогуба.

Сегодня несправедливость Добролюбова в отношении Соллогуба меркнет по сравнению со статьей Муртазали Дугричилова «Об одной популярной на Кавказе песне...», опубликованной в журнале «Наш Дагестан» в феврале 2007 года. Она состоит из упоминания отдельных фактов из биографии Соллогуба и буквально дышит ненавистью к нему и к «хору не-

Храм Баграта. Кутаиси

задачливых бардов» — вероятно, литературоведов, не приемлющих новой трактовки произведения Соллогуба, весьма своеобразно прочитывающей «Тост». Приводим текст Дугричилова, достаточно осведомленного в истории русской литературы.

«Кому на Кавказе не известна «Аллаверды, Аллах с тобою...»?

Кто-нибудь задумывался над тем, кем она сочинена? И по какому поводу? И зачем продолжают безымянные авторы сочинять куплет за куплетом, чернящие чеченцев, якобы «предавших» Шамиля?

Стихи эти, к сведению хора незадачливых бардов, написаны в Кутаиси по случаю приезда туда императора Александра Николаевича. В конце концов они превратились в панегирик вождям горского освободительного движения (см. ниже текст современной песни). Но, как уже сказано, нет

да вплетаются в них все новые и новые строфы, превратившие это произведение в полную противоположность замыслу его оригинала и замыслу его подделки.

Изначально стихи принадлежат перу графа Владимира Александровича Соллогуба (1813-1882). В то время он был в зените своей славы. Белинский даже ставил его на второе место после Гоголя. Во всяком случае, так свидетельствуют его современники.

В свое время граф принял вызов на дуэль со стороны Пушкина, из-за пресловутой ревности последнего. Но перемирие предоставило впоследствии графу Соллогубу возможность написать знаменитую сегодня на всем Кавказе песню. Впрочем, писатель вряд ли мог подозревать, какая судьба будет уготована его опусу.

В России Соллогуб известен как

Горы Кавказа

автор «Тарантаса». Сохранился весьма выразительный анекдот по поводу названия сего произведения. Когда на Кавказе графа Воронцова сменил Н.Н. Муравьев, не пожелавший иметь среди своих приближенных «салонного баловня», последний спросил Соллогуба:

— Вы автор «Тарантаса»?

— Да.

— Ну так можете сесть в свой тарантас и уехать.

15 марта 1855 года граф Соллогуб покинул Тифлис.

Что касается самой песни, то вот ее изначальный текст (далее идет текст Соллогуба). Затем Дугричилов приводит «один из многочисленных вариантов текста ставшей популярной на Кавказе песни:

Аллаверды, Аллах с тобою,
И с этим именем не раз
Точил кинжал, готовясь к бою,
Войной взволнованный Кавказ.

Хабаров много в Дагестане,
Расскажет вам любой аул
О том, как куплен был заранее
Ночной Гуниба караул.

В ту ночь стоял на карауле
Шамиля верный друг-наиб,
Он не боялся русской пули,
Но ради золота погиб.

Канат он бросил апшеронцам,
Чтобы взобрались смельчаки,
И над Гунибом вместо солнца
Сверкнули русские штыки...
Когда узнала мать наиба,
Откуда золота мешок,
Клеймя предателя Гуниба,

Изменник сам в волнах Сулака
Нашел безвременный конец,
Погиб предатель, как собака, —
Столкнул его родной отец:

«Иди, ищи свои червонцы,
Они лежат на дне реки,
Тебе помогут апшеронцы —
Твои друзья и кунаки!»

И есть преданье в Дагестане:
Рыбак, закинув невод свой,
Вдруг вместе с илом вынимает
Старинный русский золотой.

Но ни единый дагестанец
Того червонца не возьмет,
И даже нищий оборванец
Его с презреньем отшвырнет»
[9, 1-4].

Это вольное соединение «Тоста» Соллогуба с незаконченной поэмой «Тазит» А. Пушкина только подчеркивает гибкость формы стихотворения, приближающейся к фольклорной. непонятно только, для чего нужно превращать стихи Соллогуба «в панегирик вождям горского освободительного движения» или переиначивать исторические факты, связанные с поражением Шамиля? И вообще заниматься идеологическими набегами на пространство русской поэзии? От отсутствия собственных талантов?

Произведение «Тост» достойно иного к себе отношения, хотя бы потому, что и сегодня оно воспринимается

живым. Ведь Соллогубу в стихотворении «Тост» удалось воплотить свою мечту о новой русской кавказской словесности. Он нашел удивительный синтез грузинской жанровой формы и общехристианской русской гостеприимства, общая для культур многих народов, но в данном случае, для русского и грузинского православия. Жанр тоста бытовал не только в устной, фольклорной традиции грузинского застолья. Он имел права гражданства в литературе — Григорий Орбелиани работал над поэмой «Тост» («Заздравный тост, или Пир после Ереванской битвы») с 1827 по 1870 годы.

О гостеприимстве, как об одной

из главных обязанностей христианина, говорит Апостол Павел в Послании к Евреям (к Евр. 13:2). И этому «увещеванию и предостережению» в Послании предшествует еще более насущное для кавказской ситуации обращение «Братолюбие между вами да пребывает» (к Евр. 13:1). Братолюбие к краю, к грузинской культуре было основой пребывания В. Соллогуба на Кавказе и нашло выражение в одном из лучших его лирических стихотворений, положенных на музыку и до сих пор исполняемым по-русски во время традиционных грузинских застолий.

Во всех случаях, и такой интерес к произведениям В. Соллогуба — свидетельство его жизненности и органической связи таланта автора с Кавказом.

Список литературы:

1. А.К. Бороздин. Собрание сочинений. //Литературные характеристики. Десятинадцатый век.//СПб. ТТ.1-2, 1911, с. 700.
2. В.А. Соллогуб. Возобновление Сионского Собора в Тифлисе. Тифлис, Из №79 газеты «Кавказ», с. 10.
3. «Зурна», Закавказский альманах. Издание Е.А. Вердеревского. Тифлис, в типографии канцелярии Наместника Кавказа, 1855, с. 180.
4. Н.А. Добролюбов. Сочинения графа В.А. Соллогуба. // Н.А. Добролюбов. Полное собрание сочинений в шести томах. М. ГИХЛ, 1934-1941. Т.1, с. 602.
5. Полное собрание стихотворений Гр. А.К.Толстого. СПб., изд. Стасюлевича. Т.1, 1898, с. 367.
6. В.А. Грехнев. Творчество В.А. Соллогуба в русской прозе конца 30-х — первой половине 40-х гг. XIX века. Г., Автореферат дисс. канд. филологических наук. 1967, с. 21.
7. В.А. Соллогуб. Собрание сочинений в 5 томах. СПб., 1886. Кн.1-3, т.4, с. 599.
8. В.А. Соллогуб. Воспоминания. // В.А. Соллогуб. Повести. Воспоминания. Л., «Художественная литература», ЛО, 1988, с. 720.
9. Режим доступа <http://murtazali.livejournal.com/2473.html>. Дата обращения 16.04.2012, с.1-4.

В.Г. ГОЛОВИН «ДА СОХРАНИТ БОГ ГРУЗИЮ И НАС ВСЕХ...»

Более 150 лет назад Владимир Соллогуб написал свои замечательные статьи и очерки о Грузии, объединив их под говорящим названием «Салалакские досуги». О чем это название говорит нам сегодня? Старинный тбилисский район Сололаки тогда называли в старой транскрипции: и Салалак, и Салулак. Так что, нет сомнений, где именно Владимир Александрович брался на досуге за перо и бумагу. И писал не конкретно о самом районе, а обо всем, что поразило и запомнилось, — о встречах, о людях, о нравах, о литературе, о театре... Помните слова Николая Добро-

Владимир Соллогуб

любова о том, что Соллогуб «решился из светлой сферы поэзии спуститься в область смиренной прозы и сделался статистиком, этнографом, историком, биографом, туристом, даже критиком и историком литературы...»? При всем уважении к выдающемуся критику и публицисту зададим в ответ лишь один вопрос: а что еще надо тем, кому интересно, чем жили Грузия, Тифлис в то далекое время?

Открыв газету «Кавказ» в феврале 1851 года, читаем: «В наш город прибыл известный русский литератор граф Соллогуб, высочайшим повелением назначенный состоять по особым поручениям при его сиятельстве князе наместнике». Тогда тифлискую публику это привело в восторг. Не случайно в истории литературы Владимир Александрович вошел как один из предтеч русского классического реалистического романа. А еще он был близко знаком с Карамзиным, Гоголем, Лермонтовым, Одоевским, Тургеневым, Островским, Гончаровым, Достоевским, Григоровичем, Некрасовым, Панаевым...

Как же знаменитый литератор, женатый на фрейлине императрицы Софье Виельгорской, завсегдатай всех великосветских салонов Петербурга, оказался в Тифлисе? Его собственное объяснение таково: «В начале 1850 года я довольно серьезно заболел, и доктора советовали мне ехать за границу пить божественные воды; но меня привлекало другое — меня уже давно тянуло на Кавказ. Мне хотелось взглянуть на этот, по рассказам и описаниям, чудный край, с каждым годом все более и более нами приобретаемый. Я должен сказать, что личность наместника Кавказского, князя Михаила Семеновича Воронцова, много способствовала этому желанию посетить вверенный его управлению край. Я имел случай в Риме, в начале сороковых годов, видаться с Воронцовым в продолжение целого месяца почти ежедневно, и могу сказать, что и тогда, и впоследствии, когда служеб-

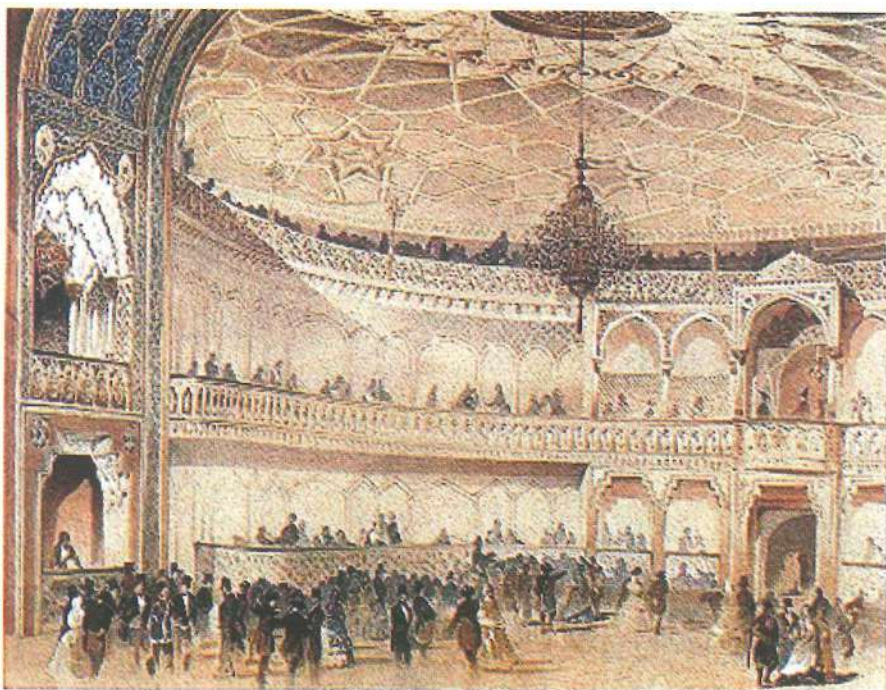
ные и дружественные отношения в течение нескольких лет сблизили нас окончательно, он оставил во мне навсегда впечатление одного из замечательных людей своего времени».

Отъезд писателя в Грузию моментально вызывает отклики в светских, а особенно — в литературных кругах Санкт-Петербурга. «Не знаешь ли ты, по какой причине граф Соллогуб переселился на Кавказ? — пишет профессор Императорского Александровского университета, будущий вице-президент Российской Императорской академии наук Яков Грот другу Пушкина, Жуковского и Гоголя Петру Плетневу. — Об этом я слышал разные толки». Плетнев преподавал словесность не кому-нибудь, а членам царского дома, поэтому был осведомлен в дела светских: «Отъезд Соллогуба на Кавказ составляет некоторую тайну в семье Виельгорских. Полагают,

что долги, возраставшие беспрестанно, заставили тестя желать поместить зятя куда-нибудь подальше от столицы».

Не чужд язвительности и Василий Инсарский, работавший с Соллогубом в «Обществе посещения бедных», которое тот основал в 1846-м «для ближайшего удостоверения в настоящем положении таких жителей С.-Петербургской столицы, которые по крайней бедности вынуждаются обращаться с просьбами о пособии к разным благотворительным лицам». Вслушайтесь в тон, которым он рассказывает об отъезде Соллогуба в Грузию: «...Я не предвидел возможности для него достигнуть каких-либо... успехов здесь, в Петербурге... где увлечения столичной жизни вечно должны сбивать его с толку; а потому я советовал ему причислиться к какому-нибудь из местных главных начальников, которые, из уважения к Виельгорским, готовы будут устроить для Соллогуба хорошее положение и открыть ему хорошую дорогу... Князь Воронцов изъявил любезную готовность пристроить его на Кавказе...».

Не будем судить строго авторов этих строк, вспомним Александра Блока: «Там жили поэты, — и каждый встречал/ Другого надменной улыбкой». Что бы ни говорили в свете, с июня по сентябрь 1850 года длится переписка Соллогуба с наместником Кавказа, и в конце концов он предлагает писателю прибыть к месту службы в начале 1851-го. В феврале этого года Владимир Александрович уже в дороге и из Воронежа пишет в Тифлис своему приятелю Ивану Золотареву. Этот одноклассник по Дерптскому университету занимает должность помощника директора канцелярии князя Воронцова. В общем Соллогуб приезжает в Грузию не только (или не столько) для лечения — наместник приглашает его в качестве чиновника для особых поручений. Но какие особые поручения мог исполнять известный литератор?

Г. Гагарин. Зал театра в караван-сарая Г. Тамамшва

С 1847 года на Эриванской (ныне Свободы) площади города строится караван-сарай с театром на 700 мест. Это — первое крупное театральное здание Закавказья. Создают его итальянский архитектор Джованни Скудиери и русский художник Григорий Гагарин, с которым у Соллогуба уже есть отличный опыт совместной работы — тот блестяще иллюстрировал повесть «Тарантас». А деньги на строительство и оформление театра вывзвал выделить известный меценат, почетный гражданин Тифлиса и Ставрополя, предприниматель Гавриил Тамамшва.

И пусть современного читателя не коробит, что театр — в здании караван-сарая. Это — аналог того, что теперь называется «торгово-развлекательным центром». В контракте прямо указано: «все торговые лавки,

расположенные в здании, должны быть заняты красным товаром, галантерейными, модными, кондитерскими и вообще лавками, не безобразящими наружному взгляду». Директором этого театра и назначается Соллогуб. Вот такое особое поручение.

И уже только в одном описании вверенного ему театра проявляется литературный талант графа-директора. Во-первых, он четко оценивает значение новостройки: «Промышленность и искусство зажили рука об руку, — и даже промышленностью поддерживается искусство, потому театр выстроен на счет лавок. Правильная торговля и эстетическое наслаждение сливаются в этом храме возникающей образованности, — две важные стихии для усовершенствования здешнего быта указаны целому населению». А уж описание убран-

ства театра — это восторженная поэма в прозе. Ее полное воспроизведение займет не одну литературную страницу. Поэтому удовлетворимся парой цитат:

«Сооруженный в Тифлисе на Эриванской площади театр не найдет себе нигде равного... Мертвым пером нельзя выразить всей щегиливости, всей прелести, всей ювелирной отделки нового зала. Он похож на огромный браслет из разных эмалей, сделанный... по восточным рисункам. Равным образом он напоминает те предметы древней русской утвари с разноцветной финифтью, которыми мы восхищаемся в богатом хранилище Московской Оружейной Палаты... Когда Вы входите в театр, Вас поражает нижний ярус лож, обозначенный широкой и нежной арабеской белого и голубого цветов на бледно-сиреновом фоне. Над ним первый ряд лож украшен широкою золотою лентою, поперег которой симметрически расписаны серебряные продолговатые сосуды, наполненные различными

цветами, верхняя галерея, вместо балюстрады, окаймлена прозрачной белой решеткой самого хитрого узора, где игриво вьется золотая полоса, а по ровным местам расставлены сделанные в том же вкусе канделябры; нельзя себе представить ничего воздушнее, роскошнее и щеголеватее этой галереи. В глубине театра выступает под золотым мавританским куполом царская ложа, по сторонам которой утроено в 2 яруса по две отдельных ложи с золотыми решетками...

Первая боковая ложа отличаются особыми известными арабскими украшениями в виде сталактитов, а равным образом и арабесками, где, как и в прочих частностях зала, повторяются бирюзовый цвет и позолота; на авансцене белая с голубым лепная украшения нежно выдаются на сиреновом фоне, а посередине вставлены стеклянные матовые часы. Плафон голубаго цвета, так сказать, залитой золотыми арабесками, удерживает люстру в виде золотого восьмиугольного резного фонаря с приделанными к нему со всех сторон жирандолями и висячими пунцовыми кистями. Таковы же, но в меньших размерах, повешены в царской и в боковых ложах. Кроме того, на плафоне как бы в ободрение всем будущим драматическим писателям размещены медальоны с именами: Эсхила, Пλάфта, Судрака, Шекспира, Кальдерона, Мольера, Гольдони, Гете и Грибоедова. Само собою разумеется, что перилы обиты голубым бархатом... Тут все продумано, даже окружающие зал коридоры нарочно выкрашены ярким красным цветом с широкою черною каймою... Особый зал (foyer), весь исписанный белыми и зелеными узорами, по которым кругом зеркалов и каминов и огибаая свод потолка, пушены извилистые украшения коричнево-малиноваго цвета».

И еще выслушаем пророческие слова о том, что действительно реализовалось с годами: «Нельзя не поже-

В. Бобров. Г. Гагарин

В. Инсарский

лать от души, чтобы здешняя драматургия, поняв свое призвание, заняла достойное место в общем стремлении к пользе и чтобы мысль, подарившая Закавказье театром, нашла отголосок в грузинских и русских писателях и пополнилась, осуществилась их произведениями».

Конечно, можно понять такое восхищение театром, который Соллогуб получил под свое начало... Но у графа много и других интереснейших строк о Тифлисе. Часть их и сегодня может повторить любой человек, изумленный первым приездом в Грузию. «Нигде так упорно и так усердно не закусывают, как здесь»... «Летняя жаркая погода в Тифлисе перестает быть погодой, а становится иногда настоящей язвой... Словом, если какой-нибудь город нуждается в дачах, то это, конечно Тифлис»... «Идет гомемерическая попойка под председательством красноногого тулумбаша и безостановочно передается из рук в руки кулы, азарпеши и турьи рога с многоизвестным и еще более употребляемым кахетинским вином»... А

этот отрывок о том, как итальянская опера завоевала Тифлис, просто необходимо прочесть, ведь чувство юмора не обделило ни автора, ни нас с вами:

«Тифлис решительно становится музыкальным городом, еще немного и он даже будет итальянским городом. Куда не повернешься, все слышатся итальянские напевы. Рассказывают, что на майдане все муши то и дело, что поют — *un pescator ignobile*, а затем ложатся спать на улице, в ожидании золотых кафтанов и замаскированных Лукреций. Если кто на базаре покупает бурдюк кахетинского, так уж не иначе, как на голос — *un segreto per esser felice*... Верблюжьи караваны становятся каждую ночь в кружок и, при виде восходящего месяца проводники их затягивают хором: *Casta diva*. Зурна, бедная зурна, спряталась и замолкла. Два сазандаря, видя, что последний их час настал, застрелились, но, умирая, еще через силы нашептывали: *Ah, pershe, non posso odiar ti*... На улице все приветствия, все разговоры изменились. Теперь не спрашивают, здоровы ли вы? Спрашивают, есть ли у вас место в Опере. Не говорят, что такой-то господин ожидает следующего чина, а что такой-то певец немножко охрип, а у такой-то певицы болят ноги... Все бегут в театр. Все алчут оперы».

А вот — уже вполне серьезно: «Русская труппа в Тифлисе невелика, но можно и должно сказать, что она из лучших, если не лучшая из всех второстепенных русских трупп. В ней господствует какой-то особый тон приличия и благородства... На тифлисской сцене вы не увидите гаерских угождений райку, ухарских ухваток, свирепых нарядов, ничего, что бы резко бросалось в глаза или могло бы оскорбить вкус самого взыскательного слушателя».

Все это увидено и прочувствовано «изнутри» — Соллогуб ощущает себя своим человеком в закавказской столице. И что бы он ни писал в ней,

вполне естественно появляются слова «у нас», «наш край», «наш быт»... Посторонний человек не напишет: «Кто не знает нашего живописного города, нависшего над Курю, посреди котловины, окаймленной горами, тот не может себе представить волшебной картины этого освещения...». Или это: «Тифлис изменяется с каждым днем: между саклей, отважно торчащих гнездами, над обрывистым берегом Куры мгновенно вырастают красивые здания, сооружаются церкви, перекидываются через бурливую реку каменные мосты, выравниваются площади, возникают целые улицы, целые кварталы; каждый день приносит новый успех, новую мысль, новое развитие, новую радость». Ну, чем не описание нынешних дней? Правда, с одной оговоркой — вырастающие ныне здания не всегда красивы...

Город «над обрывистым берегом Куры» может гордиться не только тем, что знаменитый писатель по праву зачисляет себя в «летописцы тифлисской жизни, и городской, и загородной». Именно здесь у Соллогуба появляется возможность сочетать литературную, исследовательскую и общественную деятельность. Именно Тифлис он избирает для своей комической утопии «Ночь перед свадьбой, или Грузия через тысячу лет», опубликованной в альманахе «Зурна». И нам стоит заглянуть в это будущее.

Итак, напившийся на свадьбе жених просыпается в городе 2853 года. А мы, не дожидаясь этой даты, сравним предсказания Соллогуба с сегодняшним днем. «Со всех сторон... огромные дворцы, колоннады, статуи, памятники, соборы... железная дорога. Царит всеобщее просвещение, женщины имеют настолько равные права с мужчинами, что служат в полиции. Правда, потому, что это стало самой легкой работой (!). Сословие купцов сохранилось, но заботится только о пользе покупателей, а не о собственном кармане. Техника дошла до того, что механические камер-

динеры чешут пятки своим хозяевам. Более того, когда один из персонажей — Карапет, отец Кетеван — глаза с крыши своего дома на улицу, вдруг хочет поспать, он вставляет ключ в отверстие в трубе, и из окна выезжает кровать, которую подталкивает машина на колесах и пружинах. Ей отдают приказ: «Машина, положи меня; машина, накрой меня; машина, погаси свечу и отвези в комнату». Все это исполняется, и Карапет уезжает со словами: «Ну, а теперь я сам засну». Извозчики перевозят пассажиров на воздушных шарах, и один упрекает другого в том, что тот «намедни ездока в Средиземное вывалил». О театральном мире: «Согласие между артистами, отсутствие мелочного самолюбия для пользы искусства — вот что отличает ваше полезное сословие». Париж уже неинтересен и банален, ведь центр цивилизации и культуры — Закавказье... Не правда ли, дорогие читатели, есть, о чем сегодня за-

А. Барятинский

М. Пермонтов. Вид Тифлиса

думаться, чему позавидовать, с чем сравнить?

Но литературного творчества Соллогубу мало — он становится одним из учредителей и членом Совета директоров Кавказского Отдела Императорского Русского Географического Общества. Туда входят виднейшие исследователи Кавказа, в разное время членами этого отдела были Илья Чавчавадзе и поэт, драматург, этнограф Рафаил Эристави (Эристов). Первое собрание Совета состоялось за месяц до приезда Соллогуба в Грузию, а уже на втором заседании он поднимает вопрос о создании «Общего Кавказского Музеума». Этнографическую программу музея составляет он сам, а зоологическую и ботаническую — профессор Андрей Бекетов, дед поэта Александра Блока. Первые экспонаты музея передают Соллогуб и Воронцов.

Можно увидеть Владимира Алек-

сандровича и у офицеров, раненных в сражениях с горцами. Вот, что вспоминает поручик Владимир Полторацкий (в будущем генерал-майор), с тремя ранениями лежавший в огузгетском госпитале: «В течение дня нас посетила масса знакомых. Пришел побалагурить и граф Владимир Соллогуб. Этот гость невольно заставил на несколько минут забыть физические страдания и вызвал улыбки на запекшихся губах наших... Без умолку, но игриво и забавно, рассказывал он нам разный вздор в прозе и стихах. Повествуя нам о панике, произведенной среди народонаселения Тифлиса тревожным известием о прорыве через границу и наступлении на город громадных полчищ курдов, он будто бы на армянском базаре успокоил волнующиеся толпы жителей импровизированными стихами, которых, к сожалению, помню лишь окончание:

«...Если курды и придут,
Не бойся, Грузии народ!»
Тебя, наверное, спасут
Реад, Реут и Ротт!»

Признаемся, что фамилии, названные Соллогубом, ничего не говорят нам сегодня. Поэтому пришлось порыться в различных источниках, и стало понятно, что речь идет о трех генералах — командующем Кавказским корпусом Николае Реаде, члене Совета Главного управления Закавказского края Иосифе Реуте и Тифлиском коменданте Федоре Ротте.

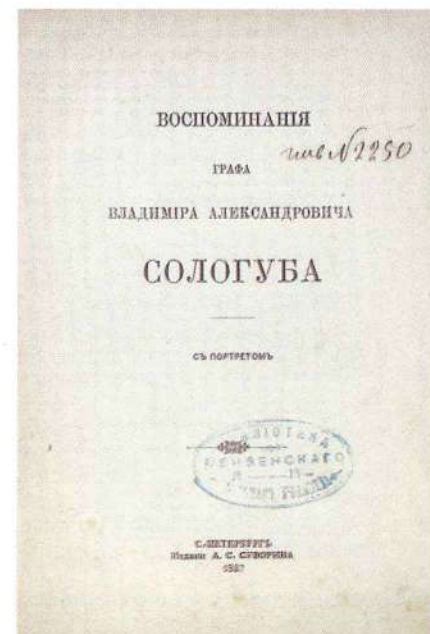
Но при всем этом как всякий талантливый и независимый в суждениях человек, да к тому же покровительствуемый высоким начальством, Соллогуб обретает недругов в местном «свете». И когда ушедшего в отставку Воронцова сменяет генерал Николай Муравьев, «доброжелатели» представляют ему графа как «салонного баловня» и «колкого балагура». Да и у бравого воина свои представления о функциях подчиненных. Вы уже прочли «анекдот» с его хамской фразой: «Ну, так можете сесть в ваш тарантас и уехать». Это — не метафора, а прямое руководство к действию. И граф покидает Тифлис в марте 1855-го, месяца не дотянув до четырех лет пребывания там.

Но разлука с Грузией недолгая. Соллогуб служит в Министерстве внутренних дел, особыми обязанностями не обременен, а тут с ним связывается князь Александр Барятинский. Он назначен вместо Муравьева, по состоянию здоровья покомандовавшего Кавказом меньше двух лет. «Свидевшись как-то со мною перед своим отбытием в Тифлис, Барятинский спросил меня, не пожелаю ли я снова вернуться в край, оставивший во мне неизгладимые впечатления и воспоминания, — вспоминал Соллогуб. — С обычным ему умением он начертил мне очень заманчивую картину деятельности, совершенно соответствовавшей и моим вкусам, и моему уме-

нию: поощрение местной литературы, распространение русской словесности, устройство театров в значительных городах, учреждение школ музыки, пения, рисования в Тифлисе — словом, нечто вроде маленького министерства изящных искусств, в котором я долженствовал исполнять лестную роль хозяина и господина. Не имея в то время определенного занятия в министерстве внутренних дел, где я состоял, я с удовольствием принял предложение князя Барятинского, имея, во-первых, в виду то, что я могу быть полезен».

Откуда такая уверенность? Ответ дает запись, сделанная Соллогубом после отъезда из Тифлиса: «Простившись с Кавказом, к которому я, впрочем, два раза возвращался, я был командирован за границу для изучения механизма управлений театров и консерваторий».

И это при том, что Владимир Алек-

сандрович отлично знает не только положительные стороны характера нового наместника: «Барятинский был избалован светскими успехами и всем тем, чем щедро награждает расхаживавшая природа своих любимцев. Но все это Барятинский считал еще для себя недостаточным; он мечтал не только о фельдмаршальстве, которого достиг по покорении Кавказа, — он хотел быть генералиссимусом всероссийских войск, как достославный Суворов... При таком нраве и при таких стремлениях понятно, что, вступив в командование Кавказским краем и кавказской армией, Барятинский пожелал придать своему путешествию и вступлению в вверенный ему управление край всевозможную торжественность».

Однако, несмотря на столь трезвую оценку личности Барятинского, все тот же Василий Инсарский утверждает, что именно Соллогуб «был одним из первых, кого завербовал князь в свою пышную свиту, с которой он открыл свое торжественное шествие на Кавказ летом 1856-го». Острый на язык писатель сам признается, что въезд в Тифлис с «особенною торжественностью» имел «свою несколько смешную сторону». Но, «обрадованный встречей с дорогими друзьями», он был так счастлив, что «не обеспокоивался о... настоящей задаче, т.е. о службе». Затем уже другое признание: «Мало-помалу мое положение выяснялось для меня очень неприятно. Тут случилось то, что случалось часто со мною в жизни; по остроумному выражению Эдмонда Абу: «Мне все обещали, я все принял, мне ничего не дали!..» Вместо деятельного труда, условленного между мною и Барятинским, оказалось, что мои занятия состояли в устройстве праздников в честь главнокомандующего, импровизации стихов и водевилей. С этим, разумеется, я согласиться не мог».

Правда, у высокопоставленного чиновника Корнилия Бороздина свое

мнение, он считает, что Соллогуб мечтал получить «какую-нибудь отдельную часть по управлению в самом Тифлисе или по крайней мере должность губернатора в одной из кавказских провинций... а между тем Барятинскому это и в голову не приходило». Может, и так — отсутствием честолюбия Владимир Александрович не страдал, а тут его делают, говоря по-современному, масовиком-затейником, пусть и высокого ранга. Графа не радует даже любимый Тифлис, он «начал не на шутку томиться таким положением, насутился и стал хандрить»...

И еще один фактор. Признавая, что Барятинский стоит намного выше него на служебной лестнице, Соллогуб все-таки не хочет видеть в нем упоенного властью начальника: «По светским условиям, детским воспоминаниям и товарищеским отношениям мы были равны и разыгрывать роль обер-гофмаршала его дворика вовсе не входило в мои планы». В общем, решительное объяснение с наместником неизбежно. Разговор получается резкий, Барятинский заявляет, что Соллогуб вечно торопится, и что его прескверный характер не позволяет ему ужиться ни с кем. В общем, опять холодное прощание с главой края, опять спешный отъезд в Петербург. Вот так и получилось, что в это пребывание в Грузии писателю не удастся отметить на литературном поприще.

В третий раз он приезжает в Тифлис в 1871-м, и снова по приглашению наместника Кавказа, на этот раз — Великого князя Михаила Романова. Писатель считает себя стариком, хотя ему всего 58 лет. Да и город уже не тот, что жил в его воспоминаниях: «Тифлис начала пятидесятых годов вовсе не походил на Тифлис теперешний; все в нем дышало Востоком, восточной негой, восточной ленью, широким восточным гостеприимством... Такая чудная природа окружала его, такое лучезарное солнце освещало

его самые сокровенные и некрасивые уголки, что в нем весело жилось и дышалось легко... Того простодушия, того яркого восточного колорита, что было при Воронцове, я уже не нашел». Вот и пишет он тогда те самые строки о том, что в Тифлисе завоняло Петербургом, чиновником.

Однако последний приезд графа на берега Куры и Риони знаменателен, конечно же, не только этими признаниями. В Грузию прибывает император Александр II с сыновьями. И жена кутаисского военного губернатора Владимира Левашова просит Соллогуба устроить «торжественный праздник в честь царственного гостя». Припомнив, как за два года до этого на открытии Суэцкого канала чествовали императрицу Франции Евгению и императора Австро-Венгрии Франца Иосифа I, писатель решает потрянуть стариной. Правда, «празднику с местным колоритом» мешает дождь, но бал и живые картины удаются на славу. Естественно, от известного писателя все ждут и стихотворного произведения. И вот тогда-то «в присутствии двух-трех приближенных» императору зачитывается то самое знаменитое стихотворение «Аллаверды».

Восторженно встречают его и в грузинской столице. «Эти стихи хотя и грешили во многом по форме... — признается Соллогуб, — что в Тифлисе, после повторения уже на театре представленных в первый раз в Кутаисе живых картин и даже уже после отъезда государя, прочтенные в заключение представления в присутствии великого князя Михаила Николаевича, они доставили мне едва ли не величайшую оvation, какой я был героем. Без сердечной благодарности, без трогательного умиления не могу вспомнить поздравления искренних моих старых сослуживцев, моих дорогих товарищей. Надо сказать, что если я всегда беззаветно любил Кавказ, мне там отвечали такой же дружбой, и я этим тем более дорожил, что

в жизни я был мало в этом случае избалован взаимностью и что часто люди, которых я более всего любил, менее других отвечали мне тем же».

За несколько дней до отъезда Соллогуба именно эти друзья, «прежние сослуживцы-воронцовцы», устраивают ему прощальный ужин: «Ужин этот отпраздновался как водится везде, и в особенности на Кавказе, самым радушным образом и с такою задушевностью, точно мои старые друзья чувствовали, что мы все там собрались вместе в последний раз». Самый красивый тост, превознося заслуги Соллогуба на Кавказе, поднимает выдающийся грузинский поэт-романтик, князь Вахтанг Орбелиани. В ответ писатель заявляет: «Нет, друзья мои, нет, дорогие мои товарищи! Ничего я здесь не сделал; вы счастливей меня, вы работали для края, вы, если я могу так выразиться, везли в корню, а я скакал на пристяжке!»

И это — после всего, что мы узнали о пребывании Владимира Андреевича в Грузии! К тому же, можно

Ольга Левашова, жена губернатора Кутаиси

И. Макаров. Дама с девочкой

сказать, что в Тбилиси есть памятник Соллогубу. Нигде в мире нет, а здесь есть. Речь идет о Государственном музее Грузии имени С. Джанашия. Ведь в прошлом это – тот самый Кавказский музей, который создавал граф. А в одной из тбилисских частных коллекций – еще одна ниточка, связывающая имя писателя с берегами Куры. Это работа известного портретиста Ивана Макарова «Дама с девочкой». На ней – жена и маленькая дочь графа, скончавшаяся в детстве. Картина хранилась в семье другой его дочери – Натальи, вышедшей в

Петербурге замуж за князя Георгия Чичуа и вместе с ним переехавшей в Тифлис в 1904 году. Долгое время этот портрет висел в доме... их дочери Майи Чичуа. Да, внучка Соллогуба жила в любимом им Тбилиси...

Ну, а мы, бережно возвращая на полку «Салалакские досуги», кстати, ни разу не издававшиеся после 1855 года, повторим вслед за Владимиром Александровичем: «Да сохранит Бог и Грузию, и нас всех, от половинных чувств и половинных убеждений, и познаний».

СОДЕРЖАНИЕ

ИРИНА БАГРАТИОНИ-МУХРАНЕЛИ. ГРАФ СОЛЛОГУБ В ГРУЗИИ	5
ВЛАДИМИР ГОЛОВИН. «ДА СОХРАНИТ БОГ ГРУЗИЮ И НАС ВСЕХ...»	36

Международный культурно-просветительский Союз «Русский клуб» (МКПС) – грузинская общественная неправительственная организация. Зарегистрирована в 2003 году. Входит в Международный союз российских соотечественников (МСРС). Президент Союза – Николай Свентицкий, директор Тбилисского государственного академического русского драматического театра им. А.С. Грибоедова, заслуженный деятель искусств РФ, кавалер Ордена Дружбы. На сегодняшний день членами Союза являются более пяти тысяч людей из разных стран мира – как частные персоны, так и целые организации. Главная задача «Русского клуба» – всестороннее развитие и укрепление культурных связей между Грузией и Россией как двумя независимыми государствами на основе сотрудничества, дружбы и взаимопонимания. Деятельность союза охватывает самые разные сферы жизни – литературу и искусство, образование и науку, спорт и туризм. С момента основания Союз организовал и реализовал более 350 разнообразных проектов, самый масштабный из которых – ежегодный Международный русско-грузинский поэтический фестиваль (2007-2014); за семь лет участниками фестиваля были ведущие поэты Грузии и более пятисот литераторов из почти пятидесяти стран мира. Союз является издателем общественно-художественного журнала «Русский клуб», серий «Литературное приложение» к журналу, «Библиотека «Русского клуба», «Детская книга».

რუსულ-ქართული კულტურული ურთიერთობები ჭეშმარიტად ისტორიული მოვლენაა, რომელსაც ანალოგი არ აქვს.

რუსეთსა და საქართველოს ურთიერთობები სათავეს მეათე საუკუნეში იღებს - უძველეს ქრონიკებში ნახსენებია საქართველო და თბილისი. 1491 წელს დამყარდა დიპლომატიური ურთიერთობები. პეტრე პირველის დროს მდინარე პრესნიაზე საფუძველი ჩაეყარა ქართულ დასახლებას (თავდაპირველად - „გრუზინი“, ახლა - ბოლშაია გრუზინსკაია). XVIII საუკუნის ბოლოდან, გეორგიევსკის ტრაქტატის დადების შემდეგ, 1783 წელს ორ ქვეყანას შორის განსაკუთრებით მჭიდრო და ინტენსიური ურთიერთობები დამყარდა.

საქართველო პასუხობდა მფარველობას დახმარებითა და მხარდაჭერით - მათ შორის კულტურულით და სულიერით. ბევრმა რუსეთში დევნილმა დიდმა რუსმა საქართველოში თავშესაფარი მიიღო. ისინი აქ ყოველთვის პოულობდნენ თავისუფლებას, სამსახურს და თავყვანისცემას.

სერია „რუსები საქართველოში“ - რუსული ზელოვნების, რელიგიის, მეცნიერების, ლიტერატურის, სპორტის მოღვაწეების საქართველოში ყოფნის მდიდარი ისტორიის სისტემატური გაშუქების პირველი მცდელობაა, იმ გამოჩენილი ადამიანების, რომლებიც იმსახურებენ მაღლიერ ხსოვნას შთამომავლობისათვის.

სერია რუსეთ-საქართველოს ურთიერთობების ნამდვილი ენციკლოპედია იქნება.

პროექტის მიზანია ხელი შეუწყოს რუსეთის კულტურული მემკვიდრეობის პოპულარიზაციას, ააღორძინოს ინტერესი რუსეთის მიმართ საქართველოში და პირიქით, საზოგადოებრივი და კულტურული დიალოგის გაღრმავებას ორი მართლმადიდებელი მეზობელ ერს შორის.

Russian-Georgian cultural relations are truly a historical phenomenon that has no analogues.

Russia and Georgia are bound by eleven centuries of mutual intercourse. Starting of those relations dates back to the X century – Georgia and Tbilisi are mentioned in the ancient chronicles. In 1491 diplomatic relations were established. During Peter the Great's reign on the banks of the river Presnia was built Georgian settlement (colloquially – "Georgians", now – Bolshaya Gruzinskaya (Great Georgian). And at the end of the XVIII century, after signing of Georgievski Treaty in 1783, the relationship between two countries became particularly close and intense.

Georgia answered with help and support on this patronage. Many great Russians found shelter here – disgraced and persecuted in Russia, in Georgia they always found freedom, work and reverence.

A series "Russians in Georgia" is the first attempt of systematic coverage of the rich history of staying in Georgia outstanding Russian artists, religious leaders, scientists, writers, sportsman worthy grateful memory of descendants.

The series will be a real encyclopedia of Russian-Georgian relations.

The project aims promoting the Russian cultural heritage, the revival of interest to Russia in Georgia and to Georgia in Russia, intensifying social dialogue and cultural exchange of the two Orthodox neighbor nations.

Издатель –
Международный культурно-просветительский Союз
«Русский клуб»

При финансовой поддержке:
«Департамента внешнеэкономических и международных
связей города Москвы» и
«Правительства Москвы»

Руководитель проекта –
НИКОЛАЙ СВЕНТИЦКИЙ
заслуженный деятель искусств РФ
заслуженный артист РФ

ИРИНА БАГРАТИОНИ-МУХРАНЕЛИ
**ГРАФ СОЛЛОГУБ В
ГРУЗИИ**

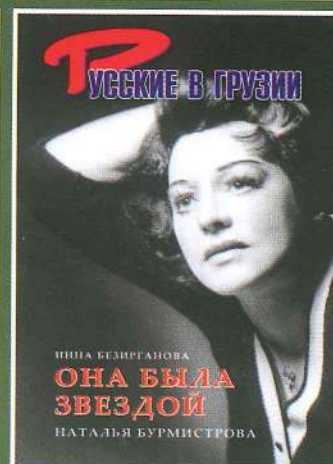
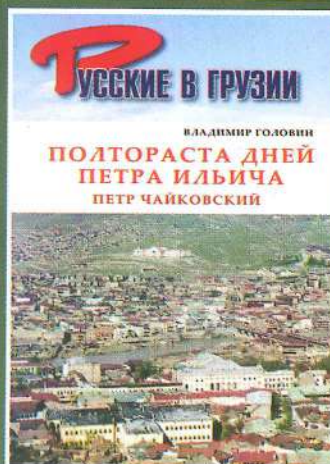
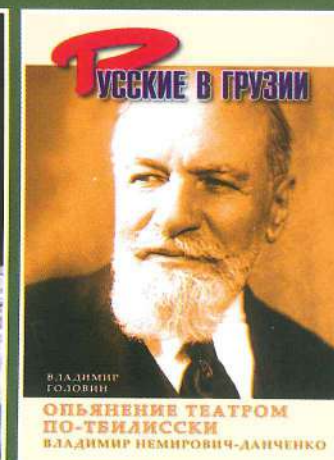
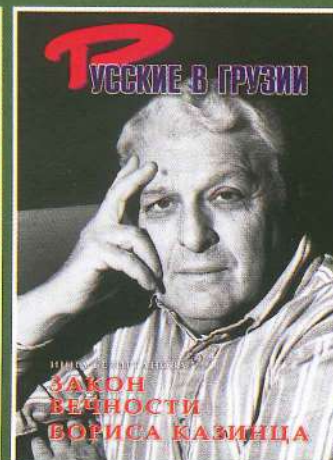
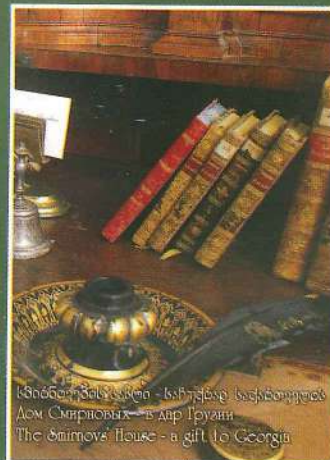
ВЛАДИМИР ГОЛОВИН
**«ДА СОХРАНИТ
БОГ ГРУЗИЮ И
НАС ВСЕХ...»**

Редактор
АЛЕКСАНДР СВАТИКОВ

Дизайн, компьютерное обеспечение
ДАВИД ЭЛБАКИДЗЕ-МАЧАВАРИАНИ

Над книгой работали
ЕЛЕНА ГАЛАШЕВСКАЯ
ИННА БЕЗИРГАНОВА
МАРИНА ЧАЧАНИДЗЕ
ИМЕДА СИНАТАШВИЛИ

ИЗДАНИЯ «РУССКОГО КЛУБА»

МЕЖДУНАРОДНЫЙ КУЛЬТУРНО-ПРОСВЕТИТЕЛЬСКИЙ СОЮЗ «РУССКИЙ КЛУБ»

www.russianclub.ge rusculture@mail.ru